

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

№ 16/1

2018

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых комму-
никаций (Роскомнадзор) от 25 сентября 2009 г.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-37683

Учредитель –
Южный федеральный университет

Главный редактор –
академик РАО,
д. биол. наук, профессор
Ермаков П. Н.

Журнал издается с 1996 г.,
выходит 2 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2018 г. № 16/1

Выпускающий редактор –
Буняева М. В.

Ответственный секретарь –
Обухова Ю. В.

Компьютерная верстка –
Проненко Е. А.

Редакционный совет

д. пс. наук, профессор Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Асмолов А. Г.
(МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Аллахвердов В. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Бондырева С. К.
(МПСУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Знаков В. В. (МГУ, Москва)
член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Карпов А. В.
(ЯрГУ, Ярославль)

академик РАО, д. пед. наук, профессор Малофеев Н. Н.
(ИКП РАО, Москва)

д. пс. наук, профессор Марьин М. И. (МГППУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Рубцов В. В.
(МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Реан А. А.
(Высшая школа экономики, Москва)

д. пс. наук, профессор Рыбников В. Ю.
(ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург)

д. пс. наук, профессор Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Черноризов А. М. (МГУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Шадриков В. Д.
(ЯрГУ, Ярославль)

Редакционная коллегия

член-корреспондент РАО, д. пс. наук,
профессор Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. биол. наук, Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Белоусова А. К. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Джанерьян С. Т. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

канд. пс. наук, Дикая Л. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Кагермазова Л. Ц. (КБГУ, Нальчик)

д. пс. наук, Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Рюмшина Л. И. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Сидоренков А. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. филос. наук, Шкуратов В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Щербакова Т. Н. (ГБУ ДПО РО РИПК и ППРО, Ростов-на-Дону).

Адрес редакции:

344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 518.
Тел. (863) 218-40-00 (доб. 11637)
E-mail: rpj@bk.ru

Подписано в печать 29.06.2018
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ №

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.

© Северо-Кавказский психологический вестник, 2018

© ООО "КРЕДО", 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ	5
Проненко Е. А., Буняева М. В. Анализ феномена общего понимания в командном взаимодействии.	5
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ	13
Бердянская Ю. В., Васильева О. С. Взаимосвязь особенностей психологического здоровья и ценностно-смысловой сферы личности у подростков и молодежи	13
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ	25
Кара Ж. Ю., Акулинчева А. В., Котельников В. И. Изучение коммуникативной толерантности старших подростков	25
ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ	40

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY	5
Pronenko E. A., Bunyaeva M. V. Analysis of the phenomenon of shared understanding in team interaction	5
PSYCHOLOGY OF PERSONALITY	13
Berdyanskaya Yu. V., Vasilyeva O. S. Features of goal-setting by students of the university in connection with the level of their social frustration state	13
DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY	25
Kara Zh. Yu., Akulincheva A. V., Kotel'nikov V. I. Communicative tolerance in late adolescents	25
REQUIREMENTS TO PUBLICATIONS	41

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ОБЩЕГО ПОНИМАНИЯ В КОМАНДНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Евгений А. Проненко*, Мария В. Буняева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

* E-mail: pronenko@sfedu.ru

В статье рассматривается феномен «общего понимания» в командном взаимодействии. Актуальность изучения данного феномена вызвана все более частым использованием командной формы работы в различных сферах общественной жизни и требованиями к эффективности работы команд. Новизна исследования заключается в анализе определения общего понимания, его составляющих элементов, влияния на командную работу, а также факторов, влияющих на его развитие в командном взаимодействии, с помощью современных англоязычных источников. Понятие «общее понимание» (shared understanding) является относительно новым: оно появилось в работах, рассматривающих различные аспекты командной работы, на рубеже XX–XXI вв.

Анализ определений позволил выявить два основных аспекта общего понимания: согласие относительно имеющихся знаний и координацию действий на этой основе. Как показывают исследования, общее понимание тесно связано с общими ментальными моделями – «базами» значений, которыми пользуются участники команды. Для достижения эффективности работы у участников команды должны присутствовать два главных элемента общего понимания: согласие относительно результатов (целей) и согласие относительно средств их достижения. Исследователи сходятся на том, что развитие общего понимания положительно сказывается на командной работе, способствуя развитию «общего языка» команды и более эффективному использованию ресурсов. На развитие общего понимания в команде оказывают влияние несколько групп факторов: индивидуально-личностные, внешние факторы (физические и социально-психологические), особенности коммуникации участников команды.

Существенное негативное влияние на развитие общего понимания оказывают межличностные конфликты и разногласия относительно решения задач. В то же время, высокое качество общения и качественные каналы связи между участниками, а также активное задавание ими друг другу вопросов способствуют развитию общего понимания.

В заключение делается вывод о необходимости дальнейшего общего понимания, т. к. он выступает одним из сильных факторов увеличения эффективности работы команд.

Ключевые слова

команда, командное взаимодействие, распределенные команды, эффективность командной работы, общее понимание, общие ментальные модели, сплоченность, малая группа, совместная работа, координация работы

Для цитирования: Проненко Е. А., Буняева М. В. Анализ феномена общего понимания в командном взаимодействии // Северо-Кавказский психологический вестник. 2018. № 16/1. С. 5–12.

ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF SHARED UNDERSTANDING IN TEAM INTERACTION

Evgeny A. Pronenko*, Maria V. Bunyaeva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author. E-mail: pronenko@sfedu.ru

This paper considers the phenomenon of 'shared understanding' in team interaction. The phenomenon of 'shared understanding' is worth consideration in the context of increasing importance of teamwork in various areas of social life and also the trend toward increasing requirements for the efficiency of these teams. The present study appears to be the first study in Russia that examines the concept of shared understanding, its components and impact on teamwork, as well as the factors affecting its development in team interaction in the context of current English-language sources. The concept of 'shared understanding' is a relatively new one; it appeared in works considering various aspects of teamwork at the turn of the 20th/21st centuries.

The notions suggest two main aspects of shared understanding such as agreement concerning existing knowledge and coordination of actions on this basis. The studies demonstrate that shared understanding is closely related to shared mental models – the 'bases' of meanings shared by team members. To achieve work efficiency, two basic goals of shared understanding must be achieved, including a consensus on the results (goals) and a consensus on the means of their achievement. Researchers agree that the development of shared understanding has a positive impact on teamwork, contributing to the development of a 'shared language' for teams and more efficient use of resources. The following several groups of factors influence shared understanding: (a) individual and personal, (b) external (physical and socio-psychological), and (c) characteristics of communications among team members.

Interpersonal conflicts and disagreements regarding problem solving negatively influence the development of shared understanding. At the same time, the high quality of communication and high-quality communication channels among the participants, as well as their active asking each other questions, contribute to the development of shared understanding.

A conclusion is drawn that the phenomenon of shared understanding needs further investigation, since it is a powerful factor increasing the efficiency of teams.

Keywords

team, team interaction, distributed teams, teamwork efficiency, shared understanding, shared mental models, cohesion, small group, teamwork, work coordination

For citation: Pronenko E. A., Bunyaeva M. V. Analysis of the phenomenon of shared understanding in team interaction. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2018, no. 16/1, pp. 5–12 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В связи с распространением командной формы работы в самых разных областях жизнедеятельности увеличивается и запрос на исследование различных механизмов такого рода работы для достижения высоких результатов. В современных работах предметом исследования все больше становятся не только управленческие аспекты командной работы, но и психологические факторы, влияющие на эффективность взаимодействия в команде.

Одним из таких психологических факторов, который довольно активно изучается зарубежными исследователями, является появление и развитие *общего понимания* (*shared understanding*). Несмотря на некоторую смежность понятий сплоченности и общего понимания, эти понятия относятся к разным областям командного взаимодействия.

В отечественной психологии сплоченность традиционно рассматривается с позиций стратометрического подхода к изучению малых групп А. В. Петровского и связывается с ценностно-ориентационным единством группы. В зарубежной психологии сплоченность понимается как предполагаемая способность к совместным действиям для достижения своих целей [1]. То есть, сплоченность обозначает некоторое качество малой группы, которое выражается в единстве ценностей участников и их принципиальной способности осуществлять совместную деятельность. Общее понимание обозначает достижение единства группы по поводу конкретных аспектов выполнения деятельности для достижения результата.

Целью статьи является анализ феномена общего понимания в командном взаимодействии: определения, его составляющих, влияния на эффективность командной работы и факторов, способствующих возникновению общего понимания.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Определение понятия «общее понимание»

Одним из аспектов координации действий в командном взаимодействии, рассматриваемых в зарубежных работах, выступает формирование общего понимания у участников. Р. Hinds и S. P. Weisband, одни из первых исследователей по данной теме, дают следующее опреде-

ление этому аспекту командного взаимодействия: «общее понимание – это коллективный способ организации и передачи соответствующих знаний» [2, р. 23].

С. Aubé с соавторами приходят к выводу, что общее понимание может способствовать гармоничным межличностным отношениям в команде и стимулировать участников продолжать совместную работу [3]. Авторы указывают, что осознанное общее понимание – это та степень, в которой члены согласны друг с другом относительно работы, которая должна быть выполнена в команде.

По мнению E. Bittner, J. M. Leimeister, группы, которые вовлечены в совместную работу, должны иметь общие знания и понимание, которые функционируют как общая справочная база, для продуктивной работы, таким образом, авторы определяют понятие «общий» как некоторый ресурс, которым совместно владеют несколько человек [4]. Авторы, анализируя литературу по данной теме, выделяют такие аспекты общего понимания, как: способность координировать свое поведение по отношению друг к другу, совпадение понимания и концепций участников группы, взаимные знания и убеждения.

E. Bittner, J. M. Leimeister дают следующее определение общего понимания: «способность координировать поведение в соответствии с общими целями или задачами (видеть "смысл реализации" или перспективу действий) участников группы на основе взаимных знаний, убеждений и предположений о содержании и структуре задачи, о группе, процессе или используемых инструментах и технологиях» [4, р. 107].

J. Windeler с соавторами отмечают, что «общее понимание – это степень, в которой члены команды имеют схожие или частично совпадающие убеждения относительно своих задач, целей и подходов к решению проблем» [5, р. 609].

R. C. Valkenburg отмечает, что «общее понимание» является интересной и полезной исследовательской концепцией, и акцентирует внимание на том, что такое общее понимание является результатом того, что члены команды «настраиваются» друг на друга, находя взаимосвязи в важных темах в рамках решения задачи и принимая необходимые решения [6]. По мнению автора, «общее понимание – это взаимное знание всех членов команды о том, что они делают, почему и как они это делают» [6, р. 114].

Общее понимание и общие ментальные модели

Как отмечает ряд исследователей, общее понимание тесно связано с так называемыми «общими ментальными моделями» (shared mental model) членов группы [7, 8, 9]. Формирование общего понимания у участников командного взаимодействия может быть затруднено, т. к. каждый может по-своему понимать терминологию, участники могут иметь очень разный уровень знаний или опыта в той теме, которая актуальна для решения задачи.

I. Seeber с соавторами дают краткое определение общим ментальным моделям (ОММ): «это структура знаний, которые разделены между членами команды и которые позволяют членам команды найти общий язык для описания, объяснения и прогнозирования концепций и событий при решении задач» [10, р. 584]. По мнению авторов, в структуру ОММ включаются следующие виды знаний: 1) знания об оборудовании и инструментах; 2) знания о задаче, цели и требованиях к производительности команды; 3) знания о способностях, знаниях и навыках других членов команды; и 4) знание о взаимодействиях внутри команды [10]. S. Paul, F. He, A. R. Dennis выделяют схожие компоненты общих ментальных моделей: знание навыков, отношения, предпочтений и тенденций партнеров по команде, а также знания о процедурах и стратегиях задач [11].

ОММ могут и должны меняться, т. к. в процессе обсуждения задачи, знания участников могут значительно преобразовываться. Участники команды обмениваются информацией, учатся друг у друга, учитывают совершенные ошибки. R. Sangwan с соавторами отмечают, что на формирование ОММ влияют 3 фактора: потенциальный уровень личности (сколько информации участник команды может освоить), предпочтительный когнитивный стиль (как участники команды узнают информацию) и преобладающие мотивы (что побуждает участника команды в данный момент работать с информацией) [12].

Имея общую структуру знаний, участники командного взаимодействия могут сразу перейти к решению задач, не уделяя много времени на предварительный этап согласования терминов и знаний, поэтому «наличие общих

ментальных моделей помогает командам повысить производительность, особенно в условиях высокой рабочей нагрузки» [11, р. 363].

G. Kermarrec, Y. Cardin, C. Bossard акцентируют внимание на том, что эффективность работы команды требует высокой степени координации, а координация возникает из общего понимания, таким образом, исследования производительности команды выявляют два источника общего понимания: общие знания и общий контекст [13]. Авторы понимают под ОММ стабилизированную структуру знаний, готовую к использованию членами команды до того, как они начнут координировать свои действия и принимать решения по достижению цели [13].

Можно говорить о том, что ОММ являются одной из основ и предпосылок формирования общего понимания в команде.

Структура общего понимания

Структура общего понимания у участников команды рассматривается разными авторами с различных позиций, и, несмотря на существенное сходство, представления о составляющих общего понимания довольно дискретны. Ph. Cash, E. Dekoninck, S. Ahmed-Kristensen на основе анализа источников называют следующие его элементы: общее видение, цели и амбиции команды, понимание решения (разработанная концепция), понимание распределения ролей, видение проблемных областей [14].

Цели являются одной из важнейших составляющих общего понимания. P. Runhaar с соавторами, описывая опыт обучения команд учителей, отмечают, что чем больше учителей убеждено, что у них есть общая цель, и что они нуждаются друг в друге в достижении цели (наблюдается взаимозависимость целей), тем лучше проходит командное обучение; на следующем шаге, чем активнее учителя предпринимают действия по групповому обучению, тем больше степень общего понимания [15].

C. Aubé с соавторами выделяют в структуре общего понимания две большие группы элементов: 1) одинаковое понимание результатов (цели, приоритеты, сроки), 2) одинаковое понимание средств их достижения (методы работы, стратегии, распределение ролей и обязанностей) [3].

Эффекты общего понимания для командной работы

С точки зрения практики командной работы один из главных вопросов по теме общего понимания заключается в том, какое влияние его формирование оказывает на командное взаимодействие и результаты командной работы.

Е. Bittner, J. M. Leimeister, обобщая данные по этой теме, отмечают, что положительные эффекты общего понимания в группах сказываются на производительности (качестве и количестве групповых продуктов), на удовлетворенности членов группы, степени координации, на сокращении итерационных циклов и переделок, на моральном духе команды [4]. То есть, если в группе сформировалось общее понимание, то улучшаются многие ключевые аспекты командного взаимодействия.

J. Windeler с соавторами в ходе изучения деятельности распределенных команд рассмотрели несколько механизмов, описывающих, как именно общее понимание влияет на эффективность команды [5]. По мнению авторов, общее понимание облегчает общение и сотрудничество, потому что у членов команды есть общая точка зрения относительно ролей и обязанностей члена команды и в целом работы команды. У участников командного взаимодействия вырабатывается своеобразный общий язык. Этот общий язык дает ряд важных преимуществ: 1) это позволяет людям предвидеть действия своих товарищей по команде, уменьшая потребность в мониторинге и избыточности усилий; 2) он расширяет возможности команд по интеграции знаний, поскольку способствует содержательному общению, благодаря которому участники знают, какую информацию обменивать и когда ее обменивать; 3) это позволяет командам быстро обрабатывать информацию в значимые структуры, повышая эффективность и результативность обмена информацией [5].

Распределенные команды, в которых участники могут общаться только опосредованно, испытывают большие затруднения с формированием общего понимания, чем участники команд, которые имеют возможность встречаться лично. С развитием глобализации и технологий связи и совместной работы через Интернет количество таких команд будет только возрастать. По мнению J. Windeler

с соавторами, «совместное понимание особенно важно для распределенных групп, потому что оно позволяет членам команды эффективно общаться в разных условиях, предвосхищая потребности друг друга» [5, р. 609].

Можно сказать, что формирование общего понимания напрямую отражается на эффективности использования ресурсов команды. В ситуации наличия общего понимания участники командного взаимодействия тратят минимум усилий и временных ресурсов на выбор подхода к решению задачи, на распределение обязанностей. В свою очередь, повышение эффективности и плавности работы повышает удовлетворенность и мотивацию участников командного взаимодействия, возрастает ощущение достижения цели. В итоге удовлетворенность и мотивация команды в целом повышают вероятность, что команда продолжит выполнение задачи и сумеет преодолеть сложности и препятствия, которые могут при этом возникнуть.

Факторы, влияющие на общее понимание

Важным вопросом по теме общего понимания является вопрос факторов, которые могут способствовать его успешному формированию в условиях командного взаимодействия.

Е. Bittner, J. M. Leimeister выделяют следующие группы факторов, влияющих на командное взаимодействие: 1) факторы, связанные с индивидуумом и группой (индивидуальная личность и навыки, командная фамиллярность, авторитет и разнообразие); 2) факторы окружающей среды (физическая близость, стимулы, коммуникационная поддержка или организационная культура); 3) детерминанты, касающиеся процесса сотрудничества (рассуждения и коммуникации, визуализированные убеждения и доказательства, разделение отдельных и общих пространств деятельности и обучение) [4].

J. Windeler с соавторами выделяют среди негативных факторов для развития общего понимания конфликты отношений и конфликты задач [5]. По мнению авторов, конфликт отношений отвлекает участников от формирования общего понимания, т. к. нарушает координацию и обмен знаниями. При конфликте отношений возникают подозрения участников друг к другу, и это может привести к тому, что они начнут

скрывать важную информацию, которая необходима для развития общего понимания. Конфликт задач, который представляет собой разногласия относительно целей или путей решения задач, также мешает координации, обмену знаниями и работе с ними, что тормозит процесс достижения общего понимания.

Ph. Cash, E. Dekoninck, S. Ahmed-Kristensen, называя общее понимание ключевым показателем эффективности коммуникации в распределенных командах, отмечают, что на его развитие влияют такие факторы, как социальное взаимодействие и качество связи [14]. Вместе с этим, авторы выделяют такой фактор, как задавание вопросов участниками друг другу: по их мнению, «задавание вопросов считается основным вкладом в общее понимание развития» [14, р. 6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общее понимание представляет собой важное качество командного взаимодействия, связанное с согласованием знаний участников о различных аспектах совместной работы, в частности, о подходах к решению задач, о целях и ролях друг друга. Основой общего понимания являются общие ментальные модели – базы знаний о задачах, способах решения, способностях других участников. В структуре общего понимания можно выделить два ключевых элемента: общее видение результатов и общее видение средств их достижения. В большом количестве исследований подтверждается положительное влияние развития общего понимания в команде на целый ряд командных процессов; обобщенно можно сказать, что за счет повышения четкости и координации действий повышается эффективность использования командой своих ресурсов. Среди существенных факторов, затрудняющих формирование общего понимания, выделяются конфликты отношений в команде и разногласия относительно способов решения задач. К факторам, способствующим развитию общего понимания, относятся высокое качество взаимодействия участников и активное задавание ими вопросов друг другу.

В связи с увеличением использования командной формы работы, в том числе с увеличением количества распределенных команд,

дальнейшее изучение феномена общего понимания, оказывающего существенное влияние на командную работу, является очень актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Siebold G. L. The misconceived construct of task cohesion // *Armed Forces and Society*. 2015. Vol. 41, Issue 1. P. 163–167. DOI: 10.1177/0095327X13496776
2. Hinds P., Weisband S. P. Knowledge sharing and shared understanding in virtual teams // *Virtual Teams That Work* / C. B. Gibson, S. G. Cohen (Eds.). San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2003. P. 21–36.
3. Aubé C., Rousseau V., Tremblay S. Perceived shared understanding in teams: The motivational effect of being 'on the same page' // *British Journal of Psychology*. 2015. Vol. 106, Issue 3. P. 468–486. DOI: 10.1111/bjop.12099
4. Bittner E. A. C., Leimeister J. M. Why shared understanding matters – engineering a collaboration process for shared understanding to improve collaboration effectiveness in heterogeneous teams // 2013 46th Hawaii International Conference on System Sciences. Wailea, Maui, HI: IEEE, 2013. P. 106–114. DOI: 10.1109/HICSS.2013.608
5. Windeler J., Maruping L. M., Robert L. P., Riemenschneider C. K. E-profiles, conflict, and shared understanding in distributed teams // *Journal of the Association for Information Systems*. 2015. Vol. 16, Issue 7. P. 608–645. DOI: 10.17705/1jais.00401
6. Valkenburg R. C. Shared understanding as a condition for team design // *Automation in Construction*. 1998. Vol. 7, Issues 2–3. P. 111–121. DOI: 10.1016/S0926-5805(97)00058-7
7. Humayun M., Gang C. An empirical study on improving shared understanding of requirements in GSD // *International Journal of Software Engineering and its Applications*. 2013. Vol. 7, Issue 1. P. 79–92.
8. Johnson T. E., O'Connor D. L. Measuring team shared understanding using the analysis-constructed shared mental model methodology // *Performance Improvement Quarterly*. 2008. Vol. 21, Issue 3. P. 113–134. DOI: 10.1002/piq.20034

9. Johnson T. E., Lee Y., Lee M., O'Connor D. L., Khalil M. K., Huang X. Measuring sharedness of team-related knowledge: Design and validation of a shared mental model instrument // Human Resource Development International. 2007. Vol. 10, Issue 4. P. 437–454. DOI: 10.1080/13678860701723802
10. Seeber I., Maier R., Weber B., de Vreede G.-J., de Vreede T., Alothaim A. Brainstorming is just the beginning: Effects of convergence techniques on satisfaction, perceived usefulness of moderation, and shared understanding in teams // 2015 48th Hawaii International Conference on System Sciences. Kauai, HI: IEEE, 2015. P. 581–590. DOI: 10.1109/HICSS.2015.76
11. Paul S., He F., Dennis A. R. Group atmosphere, shared understanding, and team conflict in short duration virtual teams // Proceedings of the 51st Hawaii International Conference on System Sciences. Honolulu, 2018. P. 361–370. DOI: 10.24251/HICSS.2018.048
12. Sangwan R., Jablonski K., Bass M., Paulish D. Asynchronous collaboration: Achieving shared understanding beyond the first 100 meters // ASEE Annual Conference and Exposition. Chicago, Illinois, 2006. URL: <https://peer.asee.org/326> (Accessed 02 October 2017).
13. Kermarrec G., Cardin Y., Bossard C. Shared understanding and coordination in team sports. Contribution of viewpoints changes and shared information displays for team situation awareness training // Proceedings of the 2nd International Congress on Sport Sciences Research and Technology Support. Rome, Italy, 2014. P. 89–96. DOI: 10.5220/0005076300890096
14. Cash P., Dekoninck E. A., Ahmed-Kristensen S. Supporting the development of shared understanding in distributed design teams // Journal of Engineering Design. 2017. Vol. 28, Issue 3. P. 147–170. DOI: 10.1080/09544828.2016.1274719
15. Runhaar P., ten Brinke D., Kuijpers M., Wessink R., Mulder M. Exploring the links between interdependence, team learning and a shared understanding among team members: the case of teachers facing an educational innovation // Human Resource Development International. 2014. Vol. 17, Issue 1. P. 67–87. DOI: 10.1080/13678868.2013.856207

REFERENCES

1. Siebold G. L. The misconceived construct of task cohesion. *Armed Forces and Society*, 2015, V. 41, no. 1, pp. 163–167. DOI: 10.1177/0095327X13496776
2. Hinds P., Weisband S. P. Knowledge sharing and shared understanding in virtual teams. In: C. B. Gibson, S. G. Cohen (Eds.). *Virtual Teams That Work*. San Francisco, CA, Jossey-Bass, 2003, pp. 21–36.
3. Aubé C., Rousseau V., Tremblay S. Perceived shared understanding in teams: The motivational effect of being 'on the same page'. *British Journal of Psychology*, 2015, V. 106, no. 3, pp. 468–486. DOI: 10.1111/bjop.12099
4. Bittner E. A. C., Leimeister J. M. Why shared understanding matters – engineering a collaboration process for shared understanding to improve collaboration effectiveness in heterogeneous teams. In: *2013 46th Hawaii International Conference on System Sciences*. Wailea, Maui, HI, IEEE, 2013, pp. 106–114. DOI: 10.1109/HICSS.2013.608
5. Windeler J., Maruping L. M., Robert L. P., Riemenschneider C. K. E-profiles, conflict, and shared understanding in distributed teams. *Journal of the Association for Information Systems*, 2015, V. 16, no. 7, pp. 608–645. DOI: 10.17705/1jais.00401
6. Valkenburg R. C. Shared understanding as a condition for team design. *Automation in Construction*, 1998, V. 7, no. 2–3, pp. 111–121. DOI: 10.1016/S0926-5805(97)00058-7
7. Humayun M., Gang C. An empirical study on improving shared understanding of requirements in GSD. *International Journal of Software Engineering and its Applications*, 2013, V. 7, no. 1, pp. 79–92.
8. Johnson T. E., O'Connor D. L. Measuring team shared understanding using the analysis-constructed shared mental model methodology. *Performance Improvement Quarterly*, 2008, V. 21, no. 3, pp. 113–134. DOI: 10.1002/piq.20034
9. Johnson T. E., Lee Y., Lee M., O'Connor D. L., Khalil M. K., Huang X. Measuring sharedness of team-related knowledge: Design and validation of a shared mental model instrument. *Human Resource Development International*, 2007, V. 10, no. 4, pp. 437–454. DOI: 10.1080/13678860701723802

10. Seeber I., Maier R., Weber B., de Vreede G.-J., de Vreede T., Alothaim A. Brainstorming is just the beginning: Effects of convergence techniques on satisfaction, perceived usefulness of moderation, and shared understanding in teams. In: *2015 48th Hawaii International Conference on System Sciences. Kauai, HI, IEEE*, 2015, pp. 581–590. DOI: 10.1109/HICSS.2015.76
11. Paul S., He F., Dennis A. R. Group atmosphere, shared understanding, and team conflict in short duration virtual teams. In: *Proceedings of the 51st Hawaii International Conference on System Sciences*. Honolulu, 2018, pp. 361–370. DOI: 10.24251/HICSS.2018.048
12. Sangwan R., Jablokow K., Bass M., Paulish D. Asynchronous collaboration: Achieving shared understanding beyond the first 100 meters. In: *ASEE Annual Conference and Exposition*. Chicago, Illinois, 2006. Available at: <https://peer.asee.org/326> (Accessed 02 October 2017).
13. Kermarrec G., Cardin Y., Bossard C. Shared understanding and coordination in team sports. Contribution of viewpoints changes and shared information displays for team situation awareness training. In: *Proceedings of the 2nd International Congress on Sport Sciences Research and Technology Support*. Rome, Italy, 2014, pp. 89–96. DOI: 10.5220/0005076300890096
14. Cash P., Dekoninck E. A., Ahmed-Kristensen S. Supporting the development of shared understanding in distributed design teams. *Journal of Engineering Design*, 2017, V. 28, no. 3, pp. 147–170. DOI: 10.1080/09544828.2016.1274719
15. Runhaar P., ten Brinke D., Kuijpers M., Wesselink R., Mulder M. Exploring the links between interdependence, team learning and a shared understanding among team members: the case of teachers facing an educational innovation. *Human Resource Development International*, 2014, V. 17, no. 1, pp. 67–87. DOI: 10.1080/13678868.2013.856207

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ

Юлия В. Бердянская*, Ольга С. Васильева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

* E-mail: juliaberd@list.ru

В последние десятилетия проблема здоровья привлекает внимание различных наук и является предметом междисциплинарного изучения. В данной статье представлены результаты исследования психологического здоровья, уровня осмысленности жизни, смысловых ориентаций, представлений о смысле жизни и иерархии ценностей у современных подростков и молодежи. В исследовании были использованы следующие методики: методика «Личностный дифференциал» (адаптация НИИ им. В. М. Бехтерева), шкала личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина, тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона, тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева, тест М. Рокича «Ценностные ориентации», авторская анкета О. С. Васильевой, Ю. В. Бердянской.

Основными результатами исследования явились выявление особенностей ценностно-смысловой сферы, связанных с высоким уровнем психологического здоровья, и сравнение содержания ценностно-смысловой сферы у подростков и молодежи. У группы с высоким уровнем психологического здоровья ведущими ценностями являются активная жизнь, здоровье, дружба, познание, развитие, свобода, ответственность, смелость, честность, а отвергаемой – материальная обеспеченность. Группа с низким уровнем психологического здоровья предпочитает творчество, уверенность, независимость, рационализм, широту взглядов. Молодежь ценит жизненную мудрость, здоровье, познание, свободу, творчество, уверенность, независимость, ответственность, рационализм, честность, отрицает развлечения, а помимо них, как и подростки, – непримиримость к недостаткам и высокие запросы. У подростков четко сформированная структура ведущих ценностей отсутствует. Группа с высоким уровнем психологического здоровья имеет более высокие показатели по уровню осмысленности жизни, ощущению счастья и смысловым ориентациям. По показателям важности наличия смысла и самооценки здоровья различий нет. Представления о смысле жизни у обеих групп по большей части схожи – саморазвитие, семья, самореализация, благо других, – но различаются по рангу. Для молодежи важны переживания и познание; подростки предпочитают счастье, творчество и построение индивидуальной траектории жизни.

Ключевые слова

психология здоровья, психологическое здоровье, ценности, ценностные ориентации, иерархия ценностей, смысл жизни, ценностно-смысловая сфера

Для цитирования: Бердянская Ю. В., Васильева О. С. Взаимосвязь особенностей психологического здоровья и ценностно-смысловой сферы личности у подростков и молодежи // Северо-Кавказский психологический вестник. 2018. № 16/1-2. С. 13–24.

THE INTERRELATIONSHIP BETWEEN FEATURES OF PSYCHOLOGICAL HEALTH AND VALUE-SEMANTIC SPHERE OF PERSONALITY AMONG TEENS AND YOUTH

Yuliya V. Berdyanskaya*, Olga S. Vasilyeva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author. E-mail: juliaberd@list.ru

In the last decades, the problem of health has attracted the attention of various types of science and it is a subject of interdisciplinary research. In this article are provided the results of research on psychological health, level of life' mindfulness, life-notional orientations, idea of life and values' hierarchy. Next techniques were used: "Personal Differential" (Research Institute of V. M. Bechtere'v adaptation), State-Trait Anxiety Inventory (Ch. D. Spielberger, Yu. L. Khanin), test of stress' self-evaluation (S. Cowhen, G. Willianson), test of life-semantic orientation (D. A. Leontyev), "Values orientations" (M. Rokich), authors' questionnaire (O. S. Vasilyeva, Yu. V. Berdyanskaya).

The basic results of the research are a) identified values in the interrelationship with high level of psychological health, and b) comparison of contents of value-semantic sphere in teens and youth. In the group with high level of psychological health leading values are active life, health, friendship, knowledge, development, freedom, responsibility, courage and honesty, and rejected is material security. Group with low level of psychological health preferred creativity, rationalism, open-mindedness. Youth appreciates life wisdom, health, knowledge, freedom, confidence, independency, rationalism, honesty, deny entertainment and, in addition, intransigence to deficiencies, and high requests. Teens haven't clearly defined structure of leading values. Group with high level of psychological health has more high performance of mindfulness level of their life, feeling happiness and life-notional orientations. There are no distinctions in the indicators of the importance of the sense' existence and health's self-evaluation. The views of the sense of life in both groups, mainly the similar, – self-development, family, self-realization, the good of others, – but are differ in the ranks. For youth feelings and knowledge are important, teens prefer happiness, creativity and building of an individual trajectory of life.

Keywords

Health Psychology, psychological health, values, values orientations, hierarchy of values, sense of life, value-semantic sphere

For citation: Berdyanskaya Yu. V., Vasilyeva O. S. The interrelationship between features of psychological health and value-semantic sphere of personality among teens and youth. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2018, no. 16/1-2, pp. 13–24 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития общества требует от человека умения эффективно ориентироваться в пространстве социальной реальности и актуализирует проблему адаптации индивида [1]. В то же время, с признанием значимости гуманистических ценностей для успешного решения глобальных проблем, человек – как высшая самооценность – всё чаще оказывается в центре внимания общества. Поскольку жизнедеятельность человека во многом определяется состоянием его здоровья, здоровье индивида, являющееся не только витальным, но и социальным феноменом, становится особой ценностью, имеющей глобальное значение. «Улучшение здоровья человека – это один из подходов к созданию лучшего мира», считал выдающийся представитель гуманистической теории личности А. Маслоу [2]. Именно под влиянием гуманистического направления во второй половине XX в. психология перешла от изучения патологий, дисфункций и аномалий развития непосредственно к распространению идей здоровья. В 1978 г. в Американской психологической ассоциации была образована секция психологии здоровья, и вскоре вышел в свет первый учебник. К слову, в России становление психологии здоровья связывают с докладом В. М. Бехтерева «Личность и условия ее развития и здоровья», представленным в сентябре 1905 г. на II съезде российских психиатров в г. Киеве, хотя в качестве отдельного научного направления она оформилась лишь в 90-х гг. [3].

С появлением психологии здоровья как самостоятельной области знания понятие «здоровье» рассматривается на психологическом уровне. Так, по мнению Дж. Матараццо, психология призвана внести вклад в поддержание здоровья и профилактику заболеваний, в улучшение системы здравоохранения и политики в области здоровья [4]. А. Маслоу тоже призывает медиков и биологов применять холистический подход к болезням и учитывать, помимо биологических, психологические и социальные факторы [2].

Анализируя историю развития научного знания о здоровье, следует признать, что наиболее распространенные дефиниции здоровья даются в рамках медицины и биологических наук, отражая физическую сторону его прояв-

ления, однако уже в XIX в. выдающиеся медики (Н. И. Пирогов, П. Ф. Лесгафт, А. П. Богданов и др.) обращаются и к проблемам духовной составляющей здоровья, воспитания и образования здоровых поколений [5, 6]. В дальнейшем появляется множество разнообразных толкований данного феномена в рамках различных наук. В современном понимании здоровья человека утвердилась направленность на интеграцию научных знаний об этом многомерном и многоаспектном феномене, признанном и требующим изучения как предмет междисциплинарного исследования [7, 8, 9, 10, 11, 12]. Поскольку «фундаментальное решение проблем здоровья может быть найдено только при условии целенаправленного изменения сознания людей» [13, с. 360], необходимость «совершенствовать то позитивное, что есть в каждом человеке» [14, с. 14] является одним из стратегических направлений в оптимизации ситуации со здоровьем.

Здоровье имеет мировоззренческий аспект: повышению уровня психологического здоровья личности способствует, в частности, «осмысленность индивидуального бытия и осознанно выстроенная иерархия ценностей» [13, с. 367–369; 15]. Как отечественные, так и зарубежные ученые сходятся во мнении, что, во-первых, ценности необходимо развивать, начиная с раннего возраста – как можно раньше, поскольку уже у 7-летних детей обнаруживается вполне отчетливая система ценностных ориентаций, а их структура, в основном, остается стабильной в детстве и юности; во-вторых, что система образования должна принимать в формировании ценностей живое участие, в том числе – развивая навыки самоанализа, создавая культуру рефлексии; в-третьих, что высокое значение имеют преемственность и передача ценностей от одного поколения к другому [7, 16, 17, 18, 19, 20, 21]. Конкретизация особенностей ценностно-смысловой сферы личности, имеющих связь с высоким уровнем психологического здоровья, является центральной проблемой данной работы.

Определение понятий. В данной статье ключевыми понятиями являются *психологическое здоровье, ценности и смысл*.

Психологическое здоровье – состояние субъективного, внутреннего благополучия лич-

ности, обеспечивающее оптимальный выбор действий, поступков и поведения в ситуациях ее взаимодействия с окружающими объективными условиями, другими людьми и позволяющее ей свободно актуализировать свои индивидуальные и возрастно-психологические возможности [22].

В данном исследовании для изучения психологического здоровья были выбраны его следующие особенности: самооценка, стрессоустойчивость, уровень личностной тревожности и развитость волевых качеств (измерялись при помощи методик № 3, 4, 5). Основанием для данного выбора послужили воззрения О. С. Васильевой, В. Э. Пахальяна, О. В. Хухлаевой, М. Яхода, А. Маслоу [2, 14, 22, 23, 24, 25].

Ценности – это смыслы, которые разделяются множеством людей, «универсалии смысла» [26].

Высшие ценности – это главные, вечные, лежащие в основании всего ценности, которые не могут быть подчинены никаким другим, более важным [2].

Смысл жизни – это феномен, обеспечивающий нормальную и продуктивную жизнь человека, утрата которого может иметь трагические последствия. Как психологический феномен смысл жизни – это отражение в сознании субъекта особенностей иерархии целевых установок его жизни и деятельности, ставших для него жизненно значимой ценностью чрезвычайно высокого порядка [27].

МЕТОДЫ

Цель исследования: изучение связи между особенностями психологического здоровья и ценностно-смысловой сферы у подростков и молодежи, сравнительный анализ полученных данных у обеих возрастных групп.

Предмет исследования: особенности психологического здоровья респондентов, их ценности и отдельные составляющие смысловой сферы, а также их взаимосвязи.

Объект исследования: исходную выборку составляли 200 человек в возрасте от 14 до 30 лет, которые были распределены в две подвыборки, в дальнейшем именуемые «подростковой выборкой» и «молодежной выборкой»: 100 человек в возрасте от 14 до 17 лет (подростковая выборка) и 100 человек

в возрасте от 18 до 30 лет (молодежная выборка), выровненные по полу – в каждой по 50 девушек и юношей. На первом этапе исследования были отсеяны респонденты со средними показателями психологического здоровья. В результате актуальную выборку составили 135 человек: 58 в подростковой выборке и 77 в молодежной выборке.

Гипотеза исследования: существует определенная связь между особенностями психологического здоровья и ценностно-смысловой сферы, а именно: у людей с лучшим психологическим здоровьем выше уровень осмысленности жизни, им присущи определенные смыслы и ценности, при этом содержание ценностно-смысловой сферы различно у разных возрастных групп.

Частные гипотезы:

- 1) существует связь между уровнем психологического здоровья, уровнем осмысленности жизни и оценкой важности наличия смысла в жизни;
- 2) объективный и субъективный показатели осмысленности жизни связаны с представлением о важности смысла в жизни;
- 3) существует связь особенностей психологического здоровья с показателями смысловых ориентаций;
- 4) существует связь особенностей психологического здоровья с самооценкой здоровья и ощущением счастья;
- 5) у респондентов с различным уровнем психологического здоровья отличаются системы ценностей, вследствие чего им свойственны различные ведущие и отвергаемые ценности;
- 6) у респондентов в зависимости от уровня психологического здоровья различаются представления о своем смысле жизни, о смысле жизни большинства людей и путях поиска смысла жизни;
- 7) у респондентов из разных возрастных групп различаются ведущие и отвергаемые ценности и вышеперечисленные представления о смысле жизни.

Методическими и теоретическими предпосылками исследования являются: концепции здоровья О. С. Васильевой и Ф. Р. Филатова, О. В. Хухлаевой, А. В. Шувалова, А. Маслоу, Ф. Франкла, концепции смысла В. Франкла,

В. Э. Чудновского, концепции ценностей А. Маслоу и В. Франкла.

Методики исследования:

- 1) тест М. Рокича «Ценностные ориентации»;
- 2) методика «Личностный дифференциал» (адаптация НИИ им. В. М. Бехтерева);
- 3) шкала личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина;
- 4) тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона;
- 5) тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева;
- 6) авторская анкета О. С. Васильевой, Ю. В. Бердянской.

Авторская анкета включала три открытых вопроса (о смысле жизни респондентов, об их представлениях о смысле жизни большинства людей и о путях поиска смысла жизни) и четыре вопроса, в которых требовалось оценить по 10-балльной шкале уровень осмысленности своей жизни, важность наличия смысла в жизни, свое здоровье и ощущение счастья.

Математическая обработка данных включала следующие методы: контент-анализ, определение нормальности распределения (критерий нормальности Е. И. Пустыльника), расчет коэффициентов корреляции (коэффициент корреляции r -Пирсона, коэффициент корреляции r -Спирмена), установление различий между несвязанными выборками (U -критерий Манна – Уитни, Q -критерий Розенбаума), составление таблиц относительной и абсолютной частот распределения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На основании сопоставления самооценки, силы воли, уровня тревожности и стрессоустойчивости (измеренных при помощи методик «Личностный дифференциал», шкала личностной тревожности, тест самооценки стрессоустойчивости) были выделены респонденты, имеющие высокий уровень психологического здоровья (группа № 1) и низкий уровень психологического здоровья (группа № 2). В группу № 1 вошли 38 человек в молодежной выборке и 24 человека в подростковой, в группу № 2 – 39 человек в молодежной выборке и 34 человека в подростковой.

При помощи теста М. Рокича «Ценностные ориентации» были выявлены ведущие и отверга-

емые ценности группы № 1 и группы № 2 в обеих возрастных выборках (см. табл. 1).

Были выявлены две *универсальные* ведущие ценности, которые важны для всех респондентов: любовь и жизнерадостность, а также три отвергаемые – общественное признание, непримиримость и высокие запросы. *Группа № 1* предпочитает активную жизнь, здоровье, дружбу, познание, развитие, свободу, ответственность, смелость, честность, а отрицает материальную обеспеченность. *Группа № 2* дорожит творчеством, уверенностью, независимостью, рационализмом, широтой взглядов, при этом не имеет специфичных отвергаемых ценностей. В результате сравнения ценностей у *разных возрастных категорий* установлено, что в отличие от молодежи у подростков ценностные ориентации еще не сформированы, вследствие чего выявить общие не удается. *Молодежь* выбирает жизненную мудрость, здоровье, познание, свободу, ответственность, честность, творчество, уверенность, независимость, рационализм, отвергает развлечения. И молодежь, и подростки отрицают непримиримость к недостаткам и высокие запросы.

Количественный анализ смысловой сферы. В ходе анализа были исследованы следующие особенности смысловой сферы: объективный уровень осмысленности жизни (тест СЖО), субъективный уровень осмысленности жизни (самооценка испытуемых), важность наличия смысла жизни (самооценка испытуемых), смысловые ориентации (тест СЖО): «цели в жизни» (наличие в жизни испытуемого целей в будущем), «процесс жизни» (интерес и эмоциональная насыщенность жизни), «результативность жизни» (удовлетворенность самореализацией, оценка пройденного отрезка жизни), «локус контроля – Я» («Я – хозяин жизни», представление о собственной способности управлять своей жизнью), «локус контроля – жизнь» (управляемость жизни, представление о свободе человека и его возможности контролировать свою жизнь).

С помощью коэффициентов r -Пирсона и r -Спирмена были рассчитаны корреляции между признаками. Предварительно следует отметить, что во всех случаях были установлены закономерные корреляции между субъективным и объективным уровнем осмысленности

Таблица 1

Ведущие и отвергаемые ценности каждой группы респондентов

	Молодежная группа № 1	Молодежная группа № 2	Подростковая группа № 1	Подростковая группа № 2
Ведущие ценности-цели	Активная жизнь Жизненная мудрость Здоровье Любовь Друзья Познание Развитие Свобода Творчество Уверенность	Жизненная мудрость Здоровье Интересная работа Любовь Уверенность	Активная жизнь Здоровье Любовь Друзья Познание Продуктивная жизнь Развитие Свобода	Любовь Творчество Уверенность
Отвергаемые ценности-цели	Красота Материальная обеспеченность Общественное признание Развлечения Семья Счастье других	Общественное признание Развлечения	Материальная обеспеченность Общественное признание	Общественное признание
Ведущие ценности-средства	Жизнерадостность Независимость Образованность Ответственность Рационализм Самоконтроль Смелость Твердая воля Честность	Жизнерадостность Независимость Ответственность Рационализм Терпимость Широта взглядов Честность	Воспитанность Жизнерадостность Ответственность Смелость Честность Чуткость	Жизнерадостность Независимость Образованность Рационализм Самоконтроль Широта взглядов
Отвергаемые ценности-средства	Аккуратность Высокие запросы Непримиримость	Высокие запросы Непримиримость	Высокие запросы Непримиримость	Высокие запросы Непримиримость

жизни (что указывает на достоверность и согласованность обоих способов измерения) и между объективным уровнем осмысленности жизни и всеми смысловыми ориентациями, которые с разной силой коррелируют и между собой (что закономерно в силу их принадлежности к одной методике), поэтому данные корреляции в дальнейшем не рассматриваются.

В *молодежной группе № 1* существуют умеренные корреляции между самооценкой здоровья и ощущением счастья (r -Пирсона равен $r = 0,367$ при $p = 0,01$) и между субъективным уровнем осмысленности жизни и важностью наличия смысла жизни (r -Спирмена равен $r = 0,441$ при $p > 0,01$), которые, в свою очередь, коррелируют с СЖО «процесс жизни» (r -Спирмена равен $r = 0,402$ при $p = 0,01$ для осмысленности и $r = 0,389$ при $p > 0,05$ для важности смысла).

В *молодежной группе № 2* существуют умеренные и средние корреляции: субъективный уровень осмысленности жизни коррелирует с важностью наличия смысла ($r = 0,335$ при $p > 0,05$), со всеми СЖО ($r = 0,560$, $r = 0,501$, $r = 0,561$, $r = 0,558$, $r = 0,597$ при $p \geq 0,001$); важность наличия смысла коррелирует с объективным уровнем осмысленности жизни ($r = 0,334$ при $p > 0,05$), самооценкой здоровья ($r = 0,326$ при $p > 0,05$) и двумя СЖО – «процесс жизни» ($r = 0,397$ при $p > 0,01$) и «результативность жизни» ($r = 0,342$ при $p > 0,03$); ощущение счастья – с объективным уровнем осмысленности жизни ($r = 0,577$ при $p > 0,001$) и всеми СЖО ($r = 0,428$, $r = 0,440$, $r = 0,398$, $r = 0,636$, $r = 0,467$, все при $p = 0,01$, кроме $p = 0,001$ у предпоследней СЖО). Обнаружена также умеренная отрицательная корреляция между самооценкой здоровья и смысловыми ориентациями «цели в жизни» ($r = -0,340$ при $p > 0,05$).

В *подростковой группе № 1* были выявлены корреляции субъективного уровня осмысленности жизни со всеми показателями, кроме СЖО «цели в жизни» (коэффициенты r -Пирсона равны $r = 0,875$, $r = 0,548$, $r = 0,598$, $r = 0,597$, $r = 0,585$, $r = 0,601$, $r = 0,450$ при $p > 0,01$, в последнем случае $p > 0,05$). Важность наличия смысла тоже коррелирует со всеми параметрами, кроме одного – самооценки здоровья ($r = 0,472$, $r = 0,570$, $r = 0,527$, $r = 0,416$, $r = 0,455$, $r = 0,701$, $r = 0,449$ при $p > 0,05$, $p > 0,01$, $p > 0,01$, $p > 0,05$, $p > 0,05$, $p > 0,001$, $p > 0,05$). Самооценка здоро-

вья сильно коррелирует с ощущением счастья ($r = 0,764$), умеренно – с объективным уровнем осмысленности ($r = 0,485$), средне – с ориентациями «процесс жизни» ($r = 0,578$) и «результативность жизни» ($r = 0,672$). Ощущение счастья, помимо уже указанных, коррелирует с объективным уровнем осмысленности жизни и всеми СЖО, кроме «целей в жизни» ($r = 0,607$, $r = 0,596$, $r = 0,714$, $r = 0,514$, $r = 0,416$; сила связи – от умеренной до сильной).

В *подростковой группе № 2* обнаружены следующие корреляции: субъективный уровень осмысленности жизни коррелирует со всеми показателями, кроме самооценки здоровья, а именно с важностью наличия смысла (r -Пирсона равен $r = 0,534$ при $p = 0,001$), ощущением счастья ($r = 0,709$ при $p > 0,001$) и смысловыми ориентациями ($r = 0,532$, $r = 0,447$, $r = 0,527$, $r = 0,444$, $r = 0,480$ при $p = 0,001$, $p > 0,01$, $p = 0,001$, $p > 0,01$, $p > 0,01$), сила связи варьируется от умеренной до сильной. Важность наличия смысла умеренно коррелирует с самооценкой здоровья ($r = 0,371$ при $p = 0,031$) и ощущением счастья ($r = 0,478$ при $p > 0,01$). Самооценка здоровья обнаруживает средние корреляции с ощущением счастья ($r = 0,633$ при $p > 0,001$), объективным уровнем осмысленности жизни ($r = 0,504$ при $p > 0,01$) и умеренные или средние – со всеми СЖО, кроме «целей в жизни» ($r = 0,561$, $r = 0,400$, $r = 0,397$, $r = 0,439$ при $p = 0,001$, $p > 0,01$, $p > 0,01$, $p > 0,001$). Ощущение счастья со средней силой коррелирует с объективным уровнем осмысленности жизни ($r = 0,682$ при $p > 0,001$) и с умеренной или средней – со всеми СЖО ($r = 0,411$, $r = 0,669$, $r = 0,598$, $r = 0,560$, $r = 0,641$ при $p > 0,01$, $p \geq 0,001$).

К наиболее существенным корреляциям относятся следующие. *Молодежная и подростковая группы № 2* связывают ощущение счастья с наличием целей в жизни, тогда как *группы № 1* этого не делают. Для *молодежной группы № 2* здоровье выступает ресурсом, необходимым для духовного поиска и продуктивности, оно связано и с осмысленностью жизни, которая во многом опирается на наличие целей и ориентирована в будущее, а также связана со здоровьем. В то же время, чем более здоровыми ощущают себя респонденты, тем меньше они склонны заглядывать в будущее. Для *подростковой группы № 1*, напротив, здоровье

не играет роли, однако связано с ощущением счастья и всеми СЖО. Для *подростковой группы № 2* осмысленность жизни связана с будущим, а для *подростковой группы № 1* – со здоровьем и настоящим временем. *Подростки из группы № 2* задумываются о смысле своей жизни, когда чувствуют себя здоровыми и счастливыми; если они ощущают себя здоровыми, это укрепляет их веру в способность человека управлять своей жизнью и, в частности, в собственные возможности.

Различия между группами № 1 и № 2 были установлены с помощью критериев *Q* Розенбаума и *U* Манна – Уитни. Они совершенно идентичны в обеих возрастных выборках: существуют значимые различия по показателям: субъективный и объективный уровни осмысленности жизни, ощущение счастья, «цели в жизни», «процесс жизни», «результативность жизни», «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь». Группа № 1 имеет более высокий уровень данных признаков, чем группа № 2. В важности наличия смысла и самооценках здоровья различий не обнаружено.

Качественный анализ смысловой сферы.

Авторская анкета включала 3 открытых вопроса, относящихся к смысловой сфере: в чем респонденты видят смысл своей жизни, в чем видит его большинство людей (по их мнению) и каковы пути его поиска. Ответы были обработаны методом контент-анализа.

Была выявлена 21 категория *смысла собственной жизни*: «самореализация», «творчество», «саморазвитие», «благо других и мира», «семья», «дети», «переживания», «гармония», «финансовая обеспеченность», «интересы» (уникальна для молодежи), «поиск смысла» (уникальна для молодежи), «работа», «любовь», «познание», «индивидуальная траектория», «жизнь как таковая» (уникальна для молодежи), «стандартная жизнь» (уникальна для молодежи), «счастье», «успех», «близкие люди» (уникальна для подростков), «поиск себя» (уникальна для подростков). В *молодежной группе № 1* на первом месте по удельному весу стоит саморазвитие ($K = 0,1$), на втором – самореализация ($K = 0,07$), третьи делят между собой семья, переживания, благо других и мира ($K = 0,05$). В *молодежной группе № 2* первое место занимает также саморазвитие ($K = 0,09$), второе место – благо других

и мира ($K = 0,05$), третьи делят самореализация, семья и познание ($K = 0,04$). Не встречаются такие смыслы, как гармония, индивидуальная траектория жизни, счастье и успех. В *подростковой группе № 1* первое место занимает семья ($K = 0,09$), второе – саморазвитие ($K = 0,06$), третье – счастье ($K = 0,04$). Однако респондентов не интересуют поиск себя, самореализация, благо других, финансовая обеспеченность, переживания, гармония. В *подростковой группе № 2* на первое место выступает саморазвитие ($K = 0,09$), кроме него лидируют благо других и мира и индивидуальная траектория ($K = 0,05$), самореализация и творчество ($K = 0,04$).

Представления о *смысле жизни большинства людей* классифицируются по 19 категориям: «семья», «дети», «работа», «финансовая обеспеченность», «успех», «карьера», «власть и слава», «удовольствие», «счастье», «любовь», «саморазвитие», «выживание» (уникальна для молодежи), «эгоизм» (уникальна для молодежи), «отсутствие смысла», «стандартная жизнь» (уникальна для молодежи), «основные инстинкты» (уникальна для молодежи), «альтруизм» (уникальна для молодежи), «самореализация, самовыражение», «индивидуальная траектория» (уникальна для подростков).

В *молодежной группе № 1* лидируют финансовая обеспеченность ($K = 0,14$), семья ($K = 0,07$) и успех ($K = 0,07$). Ни самореализация, ни альтруизм не упоминаются. В *молодежной группе № 2* первые два места также занимают финансовая обеспеченность ($K = 0,12$) и семья ($K = 0,08$), на третьем – удовольствие ($K = 0,06$). Не упоминаются такие варианты, как работа, счастье и эгоизм. В *подростковой группе № 1* первое место занимает финансовая обеспеченность ($K = 0,08$), за ней с заметным отрывом следуют семья ($K = 0,04$) и построение индивидуальной траектории ($K = 0,03$). Никто не высказал предположений о детях, карьере, удовольствии, любви и саморазвитии. В *подростковой группе № 2* первое место делят финансовая обеспеченность и семья ($K = 0,08$), второе – карьера и дети ($K = 0,06$), создавая, таким образом, некий баланс; замыкает список работа ($K = 0,04$).

Представления респондентов о возможных *пути поиска смысла жизни* образуют многоуровневую систему, содержащую 15 категорий анализа: во-первых, *самостоятельный поиск*,

который включает *внутреннюю работу* (а именно: «определение своего пути» (уникальна для подростков), «анализ своей деятельности» (уникальна для молодежи), «анализ, размышление», «самоанализ, самопознание», «саморазвитие, активность», «отношения, чувства, позиции» (уникальна для молодежи)), *получение жизненного опыта* (а именно: «накопление опыта», «действия и поиск нового опыта», «впечатления и наблюдения» (уникальна для молодежи)), *духовные и оздоровительные практики и собственную деятельность*; во-вторых, *спонтанное обретение*, в-третьих, *поиск с участием других людей* (включающий как опосредованное, так и непосредственное участие), и, в-четвертых, *отсутствие поиска*.

В *молодежной группе № 1* первое место занимает самоанализ ($K = 0,1$), второе – опосредованное участие других людей ($K = 0,08$), третье делят поиск нового опыта и духовные практики ($K = 0,05$). В *молодежной группе № 2* на первом месте стоит саморазвитие ($K = 0,07$), на втором – размышления и поиск нового опыта ($K = 0,06$), последнее место делят самоанализ, впечатления, деятельность и участие других людей в той или иной форме ($K = 0,05$). В *подростковой группе № 1* первое место занимают размышления ($K = 0,07$), второе – определение своего пути ($K = 0,05$), а третье делят между собой деятельность, накопление опыта, поиск нового опыта, духовные практики и непосредственное участие других людей ($K = 0,03$). В *подростковой группе № 2* на первом месте – поиск нового опыта ($K = 0,1$), на втором – саморазвитие ($K = 0,08$), на третьем – самоанализ ($K = 0,07$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализ иерархии ценностей выявил универсальные (независимые от возраста и уровня психологического здоровья) и уникальные (свойственные конкретным группам) ценности. Универсальные ведущие ценности – любовь и жизнерадостность, отвергаемые – общественное признание, непримиримость к своим и чужим недостаткам и высокие запросы. Ведущие ценности *группы № 1* – активная жизнь, здоровье, дружба, познание, развитие, свобода, ответственность, смелость и честность; *группы № 2* – творчество, уверенность, независимость, рационализм, широта взглядов. *Первая группа*

отвергает материальную обеспеченность, у *второй* не выявлено специфических отвергаемых ценностей. *Молодежь* предпочитает жизненную мудрость, здоровье, познание, свободу, творчество, уверенность, независимость, ответственность, рационализм, честность. У подростков ценностные ориентации еще не сформированы и содержат слишком большой разброс, позволивший определить только две отвергаемые ценности: непримиримость к недостаткам и высокие запросы. Их отрицание выражено чрезвычайно сильно и присутствует также у молодежи. Помимо них *молодежь* отвергает развлечения. Интересно заметить, что респонденты в каждой группе проявляют большее единодушие в отношении отвергаемых ценностей, чем ведущих.

По результатам **корреляционного анализа особенностей смысловой сферы** было установлено, что более высокий уровень психологического здоровья связан с большей осмысленностью жизни, с большим ощущением счастья и эмоциональной насыщенности жизни, более четкими целями в будущем и более продуктивным прошлым, верой в свои силы и в принципиальную возможность управлять жизнью, но при этом не имеет значения, важно ли для этого человека наличие смысла в его жизни и считает ли он себя здоровым.

Качественный анализ смысловой сферы позволил установить, что смыслы жизни групп № 1 и № 2 нередко отличаются только по рангу (так, саморазвитие называют все группы, семью, самореализацию, благо других – три из четырех). В группе № 1 ответы обусловлены возрастом: молодежь видит смысл жизни в переживаниях, подростки – в счастье; в группе № 2 также наблюдаются возрастные различия: молодежь выбирает познание, подростки – построение индивидуальной траектории жизни и творчество. Независимо от показателей психологического здоровья молодежь выбирает переживания и познание, подростки же стремятся к счастью, творчеству и построению индивидуальной траектории жизни.

Представления о смысле жизни большинства людей резко отличаются от представлений о смысле собственной жизни: здесь акцент ставится на материальных достижениях. Встречаются как универсальные для всех групп

ответы – семья и финансовая обеспеченность, так и особенные: успех (молодежь из группы № 1), индивидуальная траектория жизни (подростки из нее же), удовольствие (молодежь из группы № 2), дети, работа и карьера (подростки). Молодежь и подростки сходятся во мнении, что для большинства людей приоритетом являются финансовая обеспеченность и семья; молодежь также указывает на успех и удовольствие, а подростки – на карьеру, работу, воспитание детей и построение индивидуальной траектории жизни.

Среди представлений о путях поиска смысла жизни обнаружено по одной уникальной категории: духовные и оздоровительные практики для группы № 1 и саморазвитие для группы № 2. При этом для обеих групп важным является поиск нового опыта. Молодежь полагает, что можно обрести смысл благодаря новым впечатлениям или опосредованному участию других людей, подростки намерены определить свой путь с помощью целеполагания и накопления опыта.

В ходе исследования полное подтверждение получили две частные гипотезы (№ 3, о связи психологического здоровья и смысло-жизненных ориентаций, и № 5, о его же связи с системой ценностей), еще четыре были подтверждены частично (№ 1, т. к. особенности психологического здоровья связаны с уровнем осмысленности жизни, но не связаны с представлением о важности смысла; № 2, т. к. хотя объективный и субъективный показатели осмысленности жизни коррелируют между собой, оценка важности смысла в жизни стабильно коррелирует с субъективным показателем, но не всегда – с объективным; № 4, т. к. уровень психологического здоровья связан с ощущением счастья, но не совпадает с самооценкой здоровья, и № 7, поскольку у испытуемых из разных возрастных групп отчетливо различаются ведущие и отвергаемые ценности, однако представления о смысле жизни разнятся в меньшей степени). Одна гипотеза, № 6, была опровергнута, поскольку не обнаружено существенных различий в представлениях о смысле жизни, зависящих от уровня психологического здоровья.

Основная гипотеза исследования была подтверждена: связь между уровнем психологиче-

ского здоровья и ценностно-смысловой сферы существует и выражается в том, что у людей с более высоким уровнем психологического здоровья выше уровень осмысленности жизни, есть специфичные ценности и представления о смысле жизни, при этом между подростками и молодежью существуют различия в особенностях ценностно-смысловой сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
2. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 2002. 432 с.
3. Шувалов А. В. Проблема психологического здоровья человека на пересечении научного и мировоззренческого аспектов // Вестник ПСТГУ. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2015. № 4. С. 118–141.
4. Matarazzo J. D. Behavioral health and behavioral medicine: frontiers for a new health psychology // American Psychologist. 1980. Vol. 4. P. 807–817.
5. Ижванова Е. М. Проблемы мотивации здоровья как мотивация развития личности // Психология зрелости и старения. 2013. № 1. С. 57–88.
6. Рагимова О. А. Историко-философский анализ понятия здоровья в естествознании и русской философии // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, Вып. 1, № 1–1. С. 27–31.
7. Васильева О. С. Образование в сфере здоровья как стратегическое направление психологии здоровья // Психология в вузе. 2010. № 6. С. 5–17.
8. Габриелян К. Г. Методика изучения показателей группового здоровья в модели ценностно-мотивационной ориентации студентов вуза // Мир психологии. 2011. № 2. С. 182–193.
9. Иванова М. Г., Портнова А. Г. Здоровье как предмет исследования в психологии // Психологическая наука и образование. 2006. № 3. С. 99–102.
10. Кандыбович С. Л., Секач М. Ф. Здоровье населения – залог стабильности и безопасности государства // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 2011. № 4. С. 32–38.

11. Секач М. Ф. Психология здоровья: учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2003. 192 с.
12. Терентьев О. В. Здоровье человека как объект философского аксиологического анализа: дисс. ... канд. философ. наук. М., 2008. 121 с.
13. Беличева С. А. и др. Социальная психология личности в вопросах и ответах: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. В. А. Лабунской. М.: Гардарики, 2001. 395 с.
14. Ольга Семеновна Васильева: библиографический указатель / сост. Н. И. Швидченко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2012. 92 с.
15. Шувалов А. В. Психологическое здоровье человека // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 4(15). С. 87–101.
16. Практическая психология образования: Учебное пособие / под ред. И. В. Дубровиной. СПб.: Питер, 2004. 592 с.
17. Чудновский В. Э. Проблема оптимального смысла жизни. URL: <http://akme31.narod.ru/1.html> (дата посещения 25.10.2017).
18. Döring A. K., Schwartz S. H., Cieciuch J., et al. Cross-cultural evidence of value structures and priorities in childhood // *British Journal of Psychology*. 2015. Vol. 106. P. 675–699. DOI: 10.1111/bjop.12116
19. Killen M. Children's values: Universality, conflict, and sources of influence // *Social Development*. 2016. Vol. 25, № 3. P. 565–571. DOI: 10.1111/sode.12189
20. Kürzinger K. Wertebildung durch Beziehungsarbeit. Warum Beziehungen bzw. Bindungen für die Wertebildung wesentlich sind // *Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik*. 2015. 14, H. 2, S. 203–218.
21. Tam K.-P. Understanding intergenerational cultural transmission through the role of perceived norms // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015. Vol. 46, № 10. P. 1260–1266. DOI: 10.1177/0022022115600074
22. Пахальян В. Э. Психопрофилактика и безопасность психологического здоровья детей // *Прикладная психология*. 2002. № 5–6. С. 83–94.
23. Маслоу А. Г. По направлению к психологии бытия. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 272 с.
24. Психологическое здоровье (psychological health) // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/dic> nsf/enc_psychology/855/ (дата посещения 20.03.2017).
25. Хухлаева О. В. Классификация нарушений психологического здоровья дошкольников и младших школьников // *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2013. № 5. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/5/Huhlaeva.phtml> (дата посещения 11.03.2017).
26. Франкл В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
27. Чудновский В. Э. Нравственная устойчивость личности: Психологическое исследование. М.: Педагогика, 1981. 208 с.

REFERENCES

1. Toffler A. *The third wave*. New York, Morrow, 1980. (Russ. ed.: Toffler E. *Tret'ya volna*. Moscow, AST Publ., 1999. 784 p.).
2. Maslow A. H. *The farther reaches of human nature*. Harmondsworth, Penguin, 1971. (Russ. ed.: Maslow A. G. *Dal'nie predely chelovecheskoj psikhiki*. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2002. 432 p.).
3. Shuvalov A. V. The problem of psychological health at the crossroads of scientific and philosophical perspectives. *Vestnik PSTGU. Ser. 4: Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Series IV. Pedagogy. Psychology*, 2015, no. 4, pp. 118–141 (in Russian).
4. Matarazzo J. D. Behavioral health and behavioral medicine: Frontiers for a new health psychology. *American Psychologist*, 1980, V. 4, pp. 807–817.
5. Izhvanova E. M. Problems of health motivation as a motivation for personal development. *Psikhologiya zrelosti i stareniya – Psychology of Maturity and Aging*, 2013, no. 1, pp. 57–88 (in Russian).
6. Ragimova O. A. Historical and philosophical analysis of the concept of health in natural science and Russian philosophy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, V. 14(1), no. 1–1, pp. 27–31 (in Russian).
7. Vasil'eva O. S. Education in the field of health as a strategic direction of health psychology. *Psikhologiya v vuze – Psychology in High School*, 2010, no. 6, pp. 5–17 (in Russian).
8. Gabrielyan K. G. Methodology for studying indices of group health in the model of value-

- motivational orientation in university students. *Mir psikhologii – World of Psychology*, 2011, no. 2, pp. 182–193 (in Russian).
9. Ivanova M. G., Portnova A. G. Health as a subject of research in psychology. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*, 2006, no. 3, pp. 99–102 (in Russian).
 10. Kandybovich S. L., Sekach M. F. Population health as a key to stability and safety of the state. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14, Psikhologiya – Moscow University Psychology Bulletin*, 2011, no. 4, pp. 32–38 (in Russian).
 11. Sekach M. F. *Psikhologiya zdorov'ya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Psychology of health]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2003. 192 p.
 12. Terent'ev O. V. *Zdorov'e cheloveka kak ob"ekt filosofskogo aksiologicheskogo analiza* [Human health as an object of philosophical axiological analysis]. Diss. Cand. Sci. (Philos.). Moscow, 2008. 121 p.
 13. Belicheva S. A. et al., Labunskaya V. A. (ed.) *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti v voprosakh i otvetakh: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Social psychology of personality in questions and answers]. Moscow: Gardariki Publ., 2001. 395 p.
 14. Shvidchenko N. I. *Ol'ga Semenovna Vasil'eva: bibliograficheskii ukazatel'* [Ol'ga Semenovna Vasil'eva: bibliographic index]. Rostov-on-Don, SFU Publ., 2012. 92 p.
 15. Shuvalov A. V. Psychological health. *Vestnik PSTGU. Ser. 4: Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Series IV. Pedagogy. Psychology*, 2009, V. 4(15), pp. 87–101 (in Russian).
 16. Dubrovina I. V. (ed.) *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya* [Practical psychology of education]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 592 p.
 17. Chudnovskii V. E. *The issue of the optimal meaning of life*. Available at: <http://akme31.narod.ru/1.html> (Accessed 28 October 2017).
 18. Döring A. K., Schwartz S. H., Cieciuch J., et al. Cross-cultural evidence of value structures and priorities in childhood. *British Journal of Psychology*, 2015, V. 106, pp. 675–699. DOI: 10.1111/bjop.12116
 19. Killen M. Children's values: Universality, conflict, and sources of influence. *Social Development*, 2016, V. 25, no. 3, pp. 565–571. DOI: 10.1111/sode.12189
 20. Kürzinger K. Wertebildung durch Beziehungsarbeit. Warum Beziehungen bzw. Bindungen für die Wertebildung wesentlich sind. *Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik*, 2015, 14(2), pp. 203–218.
 21. Tam K.-P. Understanding intergenerational cultural transmission through the role of perceived norms. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2015, V. 46, no. 10, pp. 1260–1266. DOI: 10.1177/0022022115600074
 22. Pakhal'yan V. E. Prevention and safety in mental health of children. *Prikladnaya psikhologiya – Journal of Applied Psychology*, 2002, no. 5–6, pp. 83–94 (in Russian).
 23. Maslow A. H. *Toward a psychology of being*. Litton Education Publishing, 1968. (Russ. ed.: Maslou A. G. *Po napravleniyu k psikhologii bytiya*. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2002. 272 p.).
 24. Psychological health. *Academic dictionaries and encyclopedias*. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/855/ (Accessed 20 March 2017).
 25. Khukhlaeva O. V. Classification of psychological health disorders in preschool and primary school children. *Psychological science and education psyedu.ru*, 2013, no. 5. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2013/5/Huhlaeva.phtml> (Accessed 11 March 2017).
 26. Frankl V. E. *Man's search for meaning*. N.Y., Simon and Schuster, 1984, p. 113. (Russ. ed.: Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla*. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p.).
 27. Chudnovskii V. E. *Nravstvennaya ustoichivost' lichnosti: Psikhologicheskoe issledovanie* [Moral stability of personality: A psychological study]. Moscow, Pedagogika Publ., 1981. 208 p.

ИЗУЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

Жанна Ю. Кара*, Алёна В. Акулинчева, Владислав И. Котельников

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

* E-mail: kara_j@mail.ru

В статье рассматриваются основные подходы к исследованию коммуникативной толерантности в подростковом возрасте. Данная тема не перестает быть актуальной, т. к. различные конфликтные ситуации продолжают оставаться реальными фактами действительности. К тому же средства массовой коммуникации постоянно освещают такие острые моменты современной действительности, тем самым поддерживая интерес у населения. Все чаще в появляющейся информации наблюдается тенденция омоложения участников конфликтов. Новизна исследования заключается в изучении коммуникативной толерантности подростков, проживающих в Ростовской области, и принятия образа партнера по общению.

Использованы анкетирование, тестирование, статистический анализ результатов (факторный анализ, анализ Спирмена). Объектом выступили 20 старших подростков (15–18 лет), проживающие в Ростовской области.

Рассмотрены различные источники современной научной литературы по предмету и объекту исследования. Подобраны психодиагностические методики, релевантные предмету исследования. Выявлены особенности коммуникативной толерантности современных старших подростков. Авторы делают следующие выводы: личностные особенности старших подростков определяют идеальные характеристики партнера по общению в кругу сверстников, что выражается в следующем – неприятие индивидуальности Другого указывает на критическое отношение к себе самому, склонность к категоричности/консерватизму указывает на желание общения с умным партнером, высокая самооценка показывает нетерпимость к упрямству партнера, показатель фактора активности указывает на значимость собеседника, умеющего слушать.

Определены личностные особенности старших подростков, определяющие идеальные характеристики партнера по общению в кругу сверстников. Образ партнера по общению у старших подростков в связи с коммуникативной толерантностью имеет определенные особенности – использование себя в качестве образца, наличие интолерантности к дискомфорту (физическому или психическому) и фактора активности.

Ключевые слова

коммуникативная толерантность, старшие подростки, образ партнера, личностные особенности, толерантная личность, общение, конфликты, ценности, самооценка

Для цитирования: Кара Ж. Ю., Акулинчева А. В., Котельников В. И. Изучение коммуникативной толерантности старших подростков // Северо-Кавказский психологический вестник. 2018. № 16/1-2. С. 25–39.

COMMUNICATIVE TOLERANCE IN LATE ADOLESCENTS

Zhanna Yu. Kara*, Alena V. Akulincheva, Vladislav I. Kotel'nikov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author. E-mail: kara_j@mail.ru

This paper deals with the main approaches to studying communicative tolerance in adolescence. This issue remains important, because various conflict situations are still real facts of reality. Moreover, the mass media constantly cover such acute issues of modern reality, thereby maintaining interest among the population. Various information sources indicate an increasing tendency towards the rejuvenation of participants in conflicts. The novelty of this study lies in examination of communicative tolerance among adolescents living in the Rostov region, and their perception of the image of a communication partner.

This study employed questioning, testing, statistical analysis of the results (factor analysis, Spearman analysis). The sample consisted of 20 late adolescents aged 15–18 years living in the Rostov region.

The authors (a) examined various sources of scholarly literature on the subject and object of this study; (b) used psychodiagnostic techniques relevant to the subject of the study; and (c) described the characteristics of communicative tolerance in contemporary late adolescents. The following conclusions were drawn: (a) Personality traits of late adolescents determine the ideal characteristics of a communication partner among peers. (b) Adolescents' rejection of the Other's individuality indicates their critical attitude towards themselves. (c) A tendency towards categorization/conservatism indicates a desire to communicate with a smart partner. (d) High self-esteem shows intolerance towards their partner's stubbornness. (e) The activity factor indicates the importance of the interlocutor who knows how to listen.

The findings revealed personality traits in late adolescents that determine the ideal characteristics of communication partners among their peers. In relation to communicative tolerance, the image of communication partners has certain characteristics in late adolescents, including the use of themselves as a model, intolerance towards discomfort (physical or mental), and the activity factor.

Keywords

communicative tolerance, late adolescents, partner's image, personality traits, tolerant personality, communication, conflicts, values, self-esteem

For citation: Kara Zh. Yu., Akulincheva A. V., Kotel'nikov V. I. Communicative tolerance in late adolescents. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2018, no. 16/1-2, pp. 25–39 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Вопросами изучения различных аспектов толерантности занимаются уже достаточно длительный период времени. Одним из интересующих нас направлений в области толерантности выступает коммуникативная толерантность. Коммуникативная толерантность выступает составным сложным образом личности, включающим в себя многие компоненты, такие как: темперамент, особенности мышления, характер, установки, потребности, интересы, привычки, ценности, стереотип поведения и т. д. [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Проявления коммуникативной толерантности человека говорят окружающим о его внутреннем состоянии, психическом здоровье, о возможности регуляции поведения, наличии самоконтроля. Люди находятся в постоянном коммуницировании друг с другом, и это проявляется в большом многообразии повседневного общения: кто-то нетерпим к окружающим, кто-то очень терпелив и снисходителен, кто-то тщательно старается не замечать раздражающие свойства собеседника. Изучение коммуникативной толерантности является актуальным направлением исследований в различных областях. В современной научной литературе вопросом исследования коммуникативной толерантности в подростковом возрасте занимались А. Г. Асмолов, В. В. Бойко, Н. В. Зыкова, Э. Ш. Шаукенова, Н. Б. Дрожжина, М. В. Кошкина, Д. А. Леонтьев, А. В. Мудрик, С. В. Русакова, Т. В. Семеновских, Г. У. Солдатова, Е. С. Толмачева, А. М. Юдина и др. [1, 2, 3, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21]. Проблема коммуникативной толерантности остается до сих пор актуальной и обсуждаемой. Теоретический анализ научной литературы позволил нам выделить некоторые аспекты коммуникативной толерантности: толерантность определяют как формируемое в процессе взаимодействия интегративное качество личности, устойчивое личностное состояние [10, 11, 12, 14, 15, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30]; выделяют – эмоционально-волевой, когнитивный, мотивационно-ценностный и деятельностный компоненты толерантности [2, 4, 20, 31, 32]; обозначены пять уровней выраженности сформированной коммуникативной толерантности: низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий [18, 21, 26, 33]; моноэтническая среда предрасполагает к непри-

ятию индивидуальности другого человека и категоричности или консерватизму в оценках других людей, полиэтническая среда показывает более высокий уровень коммуникативной толерантности [14]; коммуникативные свойства влияют на определение социальных установок, на реакции на поведенческом уровне [22, 23, 27]; внешнее влияние среды посредством СМИ существенно влияет на формирование социальных норм, ценностных ориентаций [1, 29, 33]; направление развития потенциально конфликтной ситуации к конструктивному разрешению [3, 6, 21, 34]; актуальность разработок теоретических и практико-ориентированных проблем воспитания толерантности у подростков [1, 2, 5, 6, 10, 12, 20, 23, 24, 32, 35]; коммуникативная толерантность способна определять жизненный путь личности и ее деятельность [11, 12, 19, 29]; имеется различная степень принятия человеком различий между людьми [2, 9, 20, 36]; характеристика отношения личности к людям, степень терпимости в общении к неприемлемым психическим состояниям, качествам и поступкам партнеров по коммуникации [1, 2, 19, 20, 21, 29], и т. д.

Сегодня проблема толерантности широко освещается СМИ, что связано с фактами открытых конфликтов между людьми. Нередко участниками жестоких и порой кровавых споров являются именно подростки. Подобная тенденция может быть связана с наличием низкого уровня терпимости у детей, их неумением корректно и грамотно излагать свою позицию, не задевая чувства окружающих. Отметим, что подростковый возраст является сензитивным к усвоению социально значимых ценностей и формированию коммуникативной толерантности. Общение имеет огромное значение в формировании психики, ее развитии и становлении разумного, культурного поведения подростка, при этом формируются его будущая жизненная позиция и способы поведения в обществе [2, 10, 11, 12, 14, 31].

В качестве определения под *коммуникативной толерантностью* мы понимаем отношение личности к людям, выраженное в степени напряжения и степени принятия психических состояний, индивидуальных особенностей, качеств и поступков партнеров по коммуникативному взаимодействию. В качестве

основных характеристик коммуникативной толерантности рассматриваем интеллектуальную, ценностно-ориентационную, эстетическую, эмоциональную, сенсорную, энергодинамическую, алгоритмическую, характерологическую, функциональную, на которые опирались в нашей работе.

МЕТОДЫ

Предположительно развив толерантное отношение подростков к определенным особенностям других людей, можно сократить количество конфликтов и разногласий в настоящем и будущем. В связи с этим мы хотели бы исследовать *проблему* коммуникативной толерантности старших подростков.

Цель – выявить особенности коммуникативной толерантности современных старших подростков.

Предмет – особенности коммуникативной толерантности современных старших подростков.

Объектом выступили 20 старших подростков (15–18 лет), проживающие в Ростовской области.

Гипотезы: личностные особенности старших подростков могут определять идеальные характеристики партнера по общению в кругу сверстников; образ партнера по общению у старших подростков в связи с коммуникативной толерантностью будет иметь определенные особенности.

Методы исследования: анкетирование, тестирование, статистический анализ результатов (факторный анализ, анализ Спирмена) [13, 28].

Методический инструментарий: авторская анкета «Представление об идеальном партнере», опросник коммуникативной толерантности В. В. Бойко, методика «Личностный семантический дифференциал» [3, 32].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Мы предположили, что личностные особенности старших подростков могут определять идеальные характеристики партнера по общению в кругу сверстников. В результате корреляционного анализа, представленного в таблице 1, установлено, что повышение значения общего уровня коммуникативной толерантности у стар-

ших подростков сопровождается неприятием демонстративности партнера ($r = -0,478$). Для старших подростков с неприятием или непониманием индивидуальности другого человека были обнаружены значимые отрицательные корреляционные взаимосвязи с грубостью и фактором оценки ($r = -0,487$ и $r = -0,565$), а также положительная взаимосвязь с чувством юмора ($r = 0,632$). Это можно объяснить тем, что ввиду низкой самооценки подросток, в первую очередь, не принимает себя самого, свою индивидуальность, и потому не может принять и индивидуальность других людей. У него возникает потребность в своеобразном стиле общения с оппонентом – чувство юмора является значимым фактором для возникновения общения, при этом отрицаются и избегаются жесткость и грубость.

Таким образом, чем выше неприятие или непонимание индивидуальности Другого, тем выше склонность к критическому отношению человека к самому себе, его неудовлетворенность собственным поведением, уровнем принятия самого себя, неприятие в собеседнике грубости и требование от собеседника чувства юмора.

Для старших подростков со склонностью к категоричности или консерватизму были выявлены значимые положительные взаимосвязи с такими качествами партнера по общению, как спокойствие ($r = 0,471$) и интеллект ($r = 0,557$). Подобный факт объясняется тем, что старшие подростки, которые стремятся к постоянству и устою в жизни ввиду их возраста, стремятся к общению с более уравновешенными, неторопливыми людьми, имеющими высокий интеллект.

Таким образом, чем выше склонность к категоричности или консерватизму у старшего подростка, тем выше его желание общаться с умным и спокойным партнером.

Чем выше уровень показателя «неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства», тем выше уровень толерантности к демонстративности ($r = -0,459$) партнера у старших подростков. Стремление «подогнать партнера под себя» имеет значимые положительные корреляционные связи с агрессией ($r = 0,452$), замкнутостью ($r = 0,550$), неискренностью ($r = 0,448$) и спокойствием ($r = 0,491$). Иными словами, чем выше выраженность «стремление в обще-

нии подогнать под себя партнера», тем ниже желание общаться с собеседником, обладаю-

щим перечисленными в предыдущем абзаце качествами.

Таблица 1

Матрица значимых корреляций (r Спирмена)

	1	3	4	6	7	8	9	10	Фактор оцен- ки (О)	Фактор силы (С)	Фактор актив- ности (А)
Агрес- сивность	–	–	–	–	–	0,475*	0,460*	–	–	–	–
Агрессия	–	–	–	0,452*	–	–	–	–	–	–	–
Вежливость	–	–	–	–	–	–	–	–	–0,448*	–	–
Грубость	–0,487*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Демонстра- тивность	–	–	–0,459*	–	–	–	–	–0,478*	–	–	–
Замк- нутость	–	–	–	0,550*	–	–	–	–	–	–	–
Злость	–	–	–	–	0,513*	–	–	–	–	–	–
Неис- кренность	–	–	–	0,448*	–	–	–	–	–	–	–
Некуль- турность	–	–	–	–	0,462*	–	–	–	–	–	–
Нецен- зурная речь	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,627**	0,572**
Спокойный	–	0,471*	–	0,491*	–	–	–	–	–	–	–
Умение слушать	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,480*
Умный (ум)	–	0,557*	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Упрямство	–	–	–	–	–	–	–	–	0,505*	–	–

Матрица значимых корреляций (r Спирмена)

	1	3	4	6	7	8	9	10	Фактор оценки (О)	Фактор силы (С)	Фактор активности (А)
Фактор активности (А)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Фактор оценки (О)	–0,565**	–	–	–	–0,479*	–	–0,505*	–	–	–	–
Фактор силы (С)		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Чувство юмора	0,632**	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечания: 1 – неприятие или непонимание индивидуальности другого человека; 2 – использование себя в качестве эталона; 3 – категоричность или консерватизм; 4 – неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства; 5 – стремление переделать, перевоспитать партнеров; 6 – стремление «подогнать» партнера под себя; 7 – неумение прощать Другим ошибки; 8 – нетерпимость к физическому или психическому состоянию; 9 – неумение приспосабливаться к характеру, привычкам и желаниям Других; 10 – общий уровень толерантности;

* – корреляция значима на уровне 0,05;

** – корреляция значима на уровне 0,01.

Повышение выраженности нетерпимости к физическому или психическому дискомфорту сопровождается интолерантностью к агрессивности потенциального партнера по общению ($r = 0,475$).

У старших подростков с преобладанием неумения прощать Другим ошибки связано повышение нетерпимости к злости и некультурности собеседника. На это указывают положительные корреляции этого фактора со злостью ($r = 0,513$) и некультурностью ($r = 0,462$), а также занижение самооценки ($r = -0,479$), корреляция с фактором оценки ($r = -0,479$). Выраженность неумения приспосабливаться к характеру, привычкам и желаниям Других способствует избеганию собеседников с выраженной агрессивностью ($r = -0,460$). Для старших подростков с высокой самооценкой были выявлены значимая отрицательная связь с вежливостью ($r = -0,448$) и положительная связь с упрямостью ($r = 0,505$). Таким образом, чем выше самооценка, тем ниже требования к вежливости со стороны партнера и выше нетерпимость к его упрямству.

Повышение уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях у старших подростков сопровождается повышением интолерантности к нецензурной речи партнера ($r = -0,627$). У старших подростков с повышением показателей фактора активности обнаружены значимые положительные корреляционные взаимосвязи с умением слушать и нецензурной речью ($r = 0,480$ и $r = 0,572$).

Таким образом, чем выше показатель фактора активности, тем ниже склонность к коммуникации с нецензурно выражающимся собеседником и выше значимость собеседника, умеющего слушать.

Статистическое подтверждение получила и вторая гипотеза (образ партнера по общению у старших подростков в связи с коммуникативной толерантностью будет иметь определенные особенности). В результате факторного анализа полученных данных были обнаружены следующие варианты представлений старших подростков о партнере по общению. Вариант 1 (табл. 2):

образ партнера по общению у коммуникативно интолерантных старших подростков характеризуется положительной связью с показателями общего уровня коммуникативной толерантности. Отсутствие коммуникативной толерантности или ее низкий уровень можно объяснить наличием негативных реакций старшего подростка на обнаруженные различия между подструктурами своей личности и личности партнера по общению. При этом мы видим, что данные различия выражаются в следующих показателях: неумение прощать Другим ошибки, стремление переделать партнеров, неумение приспосабливаться к характеру, привычкам и желаниям Других; респонденты стремятся «подогнать партнера под себя», не принимают или не понимают индивидуальность другого человека, не умеют скрывать или сглаживать неприятные чувства, используют себя в качестве эталона, они категоричны или консервативны, нетерпимы к физическому или психическому дискомфорту.

Таким образом, у респондентов в данном варианте наблюдается интолерантность к окружающим и, соответственно, высокая вероятность конфликтов. По всей видимости, этому способствует критическое отношение старшего подростка к самому себе, его неудовлетворенность собственным поведением, а также

уровнем принятия самого себя. Как известно, личность старшего подростка на этом возрастном этапе интенсивно развивается, при этом происходит постепенный переход от оценки, заимствованной у взрослых, к самооценке, возникает стремление к самовыражению, самоутверждению, самореализации, самовоспитанию, к формированию положительных качеств и преодолению отрицательных. И этот ряд изменений вынуждает подростка принимать «нового» себя.

Особо низкие значения фактора О в самооценках могут свидетельствовать о возможных невротических или иных проблемах, связанных с ощущением малой ценности своей личности. При этом у респондентов также наблюдаются недостаточный самоконтроль, неспособность держаться принятой линии поведения, зависимость от внешних обстоятельств и оценок, а также это может свидетельствовать и указывать на астенизацию и тревожность. Отметим, что в образе партнера по общению данной категории респондентов не особо важны следующие атрибуты собеседника – демонстративность, образованность, упрямство, общительность, неприятный запах, честность. Вариант 2 (табл. 3): образ партнера по общению у старших подростков, «подгоняющих собеседника под себя», характеризуется положительной связью с показателями стремления «подогнать партнера под

Таблица 2

Образ партнера по общению у коммуникативно интолерантных старших подростков

Показатели	r
Общий уровень толерантности	0,967
Неумение прощать Другим ошибки	0,790
Стремление переделать, перевоспитать партнеров	0,771
Неумение приспосабливаться к характеру, привычкам и желаниям Других	0,739
Стремление «подогнать партнера под себя»	0,725
Неприятие или непонимание индивидуальности другого человека	0,711
Неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства	0,682
Использование себя в качестве эталона	0,583
Категоричность или консерватизм	0,538
Нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту	0,511
Фактор оценки (О)	-0,575
Демонстративность	-0,570
Образованность	-0,460
Упрямство	-0,439
Общительность	-0,427
Фактор силы (С)	-0,334
Неприятный запах	-0,318
Честность	-0,312

себя», использования себя в качестве эталона, фактора активности.

Таким образом, респонденты выборки склонны оценивать поведение, образ мыслей или отдельные характеристики людей, рассматривая в качестве эталона самого себя, и желают при этом подогнать Других к своему характеру, привычкам, притязаниям. Вероятно, этому способствует личная экстравертированность респондентов, а также высокие активность, общительность и импульсивность. Такие респонденты обычно судят о партнерах, руководствуясь своими привычками, установками и настроениями, считая свое мнение «истиной в последней инстанции».

Для образа партнера по общению данной категории респондентов характерны такие положительные атрибуты собеседника, как спокойствие, живая мимика, уверенность, ум, умение слушать, уверенная походка, честность, общительность и опрятный внешний вид; при этом не имеет значения, вежлив человек или нет. Для данных респондентов не приемлемы агрессия, замкнутость, неискренность, неприятные черты лица, вредные привычки и упрямство собеседника.

Вариант 3 (табл. 4): образ партнера по общению у старших подростков, не принимающих индивидуальность собеседника, характеризуется положительной связью с показателем

Таблица 3

Образ партнера по общению у старших подростков, «подстраивающих собеседника под себя»

Показатели	r
Агрессия	0,818
Спокойствие	0,749
Мимика	0,724
Замкнутость	0,618
Уверенность	0,608
Умный (ум)	0,573
Умение слушать	0,545
Неискренность	0,509
Уверенная походка	0,498
Неприятные черты лица	0,457
Честность	0,451
Стремление «подогнать партнера под себя»	0,443
Вредные привычки	0,396
Упрямство	0,387
Использование себя в качестве эталона	0,376
Общительность	0,347
Фактор активности (А)	0,333
Опрятный вид	0,302
Вежливость	-0,344

неприятия или непонимания индивидуальности другого человека, при наблюдении отрицательной связи с показателями фактора силы, фактора активности и фактора оценки.

У респондентов с данным вариантом наблюдается неумение либо нежелание понимать или принимать индивидуальные особенности других людей. По всей видимости, этому способствуют интровертированность, определенная пассивность, критическое отношение старшего подростка к самому себе, его неудовлетворенность собственным поведением, уровнем принятия самого себя. Человек в возрасте 15–18 лет, как правило, направлен на поиск себя, потому ему трудно понять индивидуальность окружающих. Индивидуальность Другого – это, прежде всего, то, что составляет особенное в нем: данное от природы, воспитанное, усвоенное в среде обитания. Мера несовпадения личностных подструктур партнеров и составляет различия их индивидуальностей.

Особо низкие значения фактора О в самооценках могут свидетельствовать о возможных

невротических или иных проблемах, связанных с ощущением малой ценности своей личности. При этом у респондентов также наблюдаются недостаточный самоконтроль, неспособность держаться принятой линии поведения, зависимость от внешних обстоятельств и оценок; также это может свидетельствовать и указывать на астенизацию и тревожность. В образе партнера по общению респонденты данной категории хотят видеть такие качества и внешние атрибуты, как улыбка, опрятный вид, отзывчивость, доброта, привлекательная внешность, уверенность, чувство юмора, честность, уверенная походка и ум. Такие черты и внешние атрибуты, как агрессивность, эгоизм, неуравновешенность, вульгарность, злость и некультурность, для респондентов данной группы мешают в коммуникации с обладателем этих качеств.

Вариант 4 (табл. 5): образ партнера по общению у старших подростков с нетерпимостью к физическому или психическому дискомфорту собеседника характеризуется положительной связью с показателями нетерпимости к физичес-

Таблица 4

Образ партнера по общению у старших подростков, не принимающих индивидуальность собеседника

Показатели	r
Улыбка	0,695
Эгоизм	0,631
Агрессивность	0,629
Опрятный вид	0,625
Отзывчивость	0,507
Неуравновешенность	0,507
Вульгарность	0,482
Доброта	0,473
Привлекательная внешность	0,457
Уверенность	0,444
Злость	0,432
Некультурность	0,424
Чувство юмора	0,405
Честность	0,384
Уверенная походка	0,353
Неприятие или непонимание индивидуальности другого человека	0,308
Фактор силы (С)	–0,370
Фактор активности (А)	–0,341
Фактор оценки (О)	–0,322
Умный (ум)	–0,303

кому или психическому дискомфорту и фактора активности.

Данные респонденты нетерпимы к физическому или психическому дискомфорту, в котором оказался Другой. Такое наблюдается в тех случаях, когда партнер недопогает, жалуется или ищет соучастия и сопереживания, а в ответ подросток получает безразличие, его игнорирование собеседником. Известно, что человек с низким уровнем коммуникативной толерантности либо не замечает подобных состояний, либо вызывает осуждение. При этом, пребывая в дискомфортном состоянии, подростки ожидают понимания и поддержки окружающих. Возможно, этому способствует личная экстравертированность респондентов, а также высокие активность, общительность и импульсивность.

Для образа партнера по общению данной категории респондентов характерны такие положительные атрибуты собеседника, как веселость, вежливость, умение слушать, опрятность и образованность, при этом респонденты нетерпимы к собеседникам, которые неопрятны, грубы, некультурны, демонстративны, вульгарны, дурно пахнут, имеют вредные привычки и нецензурно выражаются в процессе коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы изучили современную научную литературу по предмету и объекту исследования. Подобрали психодиагностические методики, релевантные предмету исследования, с помощью методик выявили

Таблица 5

Образ партнера по общению у старших подростков с нетерпимостью к физическому или психическому дискомфорту состояния собеседника

Показатели	r
Неопрятность	0,811
Неопрятный вид	0,807
Грубость	0,656
Веселый	0,631
Нецензурная речь	0,593
Вежливый	0,586
Умение слушать	0,533
Некультурность	0,494
Опрятность	0,461
Вредные привычки	0,444
Неприятный запах	0,403
Образованность	0,380
Нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту	0,378
Фактор активности (А)	0,370
Демонстративность	0,319
Вульгарность	0,307
Общительность	-0,427

особенности коммуникативной толерантности современных старших подростков Ростовской области. И пришли к следующим *выводам*:

1. В качестве определения под *коммуникативной толерантностью* мы понимаем отношение личности к людям, выраженное в степени напряжения и степени принятия психических состояний, индивидуальных особенностей, качеств и поступков партнеров по коммуникативному взаимодействию.

2. Личностные особенности старших подростков определяют значимые характеристики партнера по общению в кругу сверстников. Это выражается в следующем:

- чем выше неприятие или непонимание индивидуальности Другого, тем выше склонность к критическому отношению человека к самому себе, его неудовлетворенность собственным поведением, уровнем принятия самого себя, неприятие в собеседнике грубости и требование от собеседника чувства юмора;
- чем выше склонность к категоричности или консерватизму, тем выше желание общения с умным и спокойным партнером;
- чем выше самооценка, тем ниже требования к вежливости со стороны партнера и выше нетерпимость к его упрямству;
- чем выше показатель фактора активности, тем ниже склонность к коммуникации с нецензурно выражающимся собеседником и выше значимость собеседника, умеющего слушать.

Таким образом, важно также отметить, что образ партнера по общению у старших подростков в связи с коммуникативной толерантностью имеет определенные особенности. Мы определили, что: старшие подростки данной выборки интолерантны к окружающим и имеют высокую вероятность конфликтов; старшие подростки стремятся «подогнать партнера под себя», используя себя в качестве эталона, фактора активности; старшим подросткам свойственно неприятие или непонимание индивидуальности другого человека; старшие подростки переживают нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту и фактору активности.

В дальнейшем предполагается продолжить исследование, расширив выборку и территорию охвата.

Психолого-педагогические рекомендации

В результате исследования мы предлагаем использовать полученные данные в контексте образования для установления оптимального стиля взаимоотношения, а именно: применение в рамках учебного процесса интерактивных форм обучения, социально-психологических тренингов, ролевых игр, коллективных творческих занятий; развитие самоуправления; методические рекомендации для психолога и родителей; лекторий для родителей и детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марцинковская Т. Д. Профилактика экстремистских установок подростков и молодежи // Образовательная политика. 2016. № 3 (73). С. 26–34.
2. Почебут И. Г. Ассертивность и толерантность в межкультурном взаимодействии // Социальная психология и общество. 2017. № 8 (3). С. 8–19.
3. Фетискин Н. П. Практическая девиантология: Учебно-методическое пособие. М.: Форум, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 272 с.
4. Чебыкина О. А. Формирование толерантности у младших подростков в процессе конструктивного взаимодействия: дисс. ... канд. психол. наук. Шадринск, 2015. 188 с.
5. Шамионов Р. М. Отношение к изменениям и толерантность к неопределенности как предикторы адаптивности и адаптационной готовности // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 2. С. 90–104. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.5
6. Юдина А. М. Диагностика корреляций коммуникативных составляющих в гуманитарном образовании при формировании социокультурной толерантности у старшеклассников // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 140–142.
7. Martin J. N., Nakayama T. K. Intercultural communication in contexts. Mayfield Publishing Company, 2000.
8. Peffley M., Knigge P., Hurwitz J. A multiple values model of political tolerance // Political Research Quarterly. 2001. Vol. 54, № 2. P. 379–406.
9. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности. Научно-публицистический вестник. 2001. № 1–2. С. 8–19.

10. Балданова Е. А. Модель процесса развития коммуникативной толерантности // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2018. Т. 80, № 1 (75). С. 110–116.
11. Бекетова А. П., Куприна Т. В. Теоретико-методологические подходы к определению межкультурной коммуникативной толерантности // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 4, № 1. С. 37–40.
12. Белашева И. В. Индивидуально-типологические особенности личности в построении моделей толерантного взаимодействия в молодежной среде // Проблемы педагогики и психологии. 2015. № 2. С. 311–319.
13. Высоков И. Е. Математические методы в психологии. Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
14. Гусева И. С. Структурная модель отчужденности личности с разным уровнем коммуникативной толерантности // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2016. № 7–2. С. 93–96.
15. Касьянова Е. И., Виноградова Н. И. Теоретический анализ коммуникативной толерантности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2014. № 4 (57). С. 28–34.
16. Лекторский В. А. О толерантности // Философские науки. 1997. № 3–4. С. 14–18.
17. Леонтьев Д. А. К операционализации понятия «толерантность» // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 3–16.
18. Овсепян О. Т., Берберян А. С. Исследование взаимосвязи коммуникативной толерантности и тревожности у молодежи // Научные труды КубГТУ. 2017. № 6. С. 279–285.
19. Рачицкая Н. В. Коммуникативная толерантность как элемент коммуникативной компетентности // Современная психология: Материалы II Международной научной конференции. Пермь: Меркурий, 2014. С. 55–56.
20. Састамойнен Т. В., Константинов С. А., Малашенков Р. В. Развитие коммуникативной толерантности у студентов творческих профессий // Наука в современном мире: теория и практика. 2016. № 1 (4). С. 71–73.
21. Семеновских Т. В. Взаимосвязь толерантности и стрессоустойчивости в старшем подростковом возрасте // Вестник евразийской науки. 2015. № 5 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-tolerantnosti-i-stressoustoychivosti-v-starshem-podrostkovom-vozhraсте> (дата обращения: 15.09.2017).
22. Дрожжина Н. Б. Психологическое исследование коммуникативной толерантности современных подростков // Интерактивная наука. 2016. № 10. С. 91–93.
23. Жолобова И. К. Проблема формирования коммуникативной толерантности студентов высших учебных заведений // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3. С. 113–122.
24. Зыкова Н. В., Шаукенова Э. Ш. Психопрофилактика интолерантности подростков по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья // Концепт. 2016. № 3. С. 91–95.
25. Кара Ж. Ю., Касьянова Д. В. Исследование толерантных отношений в младшем дошкольном возрасте // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2017. № 4. С. 73–81.
26. Кошкина М. В. Способы диагностики уровня толерантности в подростковом возрасте // Magister Dixit. 2013. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-diaagnostiki-urovnya-tolerantnosti-v-podrostkovom-vozhraсте> (дата обращения: 09.07.2017).
27. Кривцова Е. В. Взаимосвязь толерантности личности с ценностным самоопределением // Вестник КемГУ. 2010. № 3. С. 173–177.
28. Кричевец А. Н. Математическая статистика для психологов. М.: Academia, 2015. 384 с.
29. Почебут Л. Г. Межкультурная коммуникативная компетентность: толерантность или ассертивность // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27, № 2. С. 189–195.
30. Толмачева Е. С. Воспитание толерантности школьников как один из ключевых аспектов создания благоприятного психологического климата в детском коллективе // Педагогическое образование в России. 2016. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-tolerantnosti-shkolnikov-kak-odin-iz-klyuchevyh-aspektov-sozdaniya-blagopriyatnogo-psihologicheskogo-klimata-v-detskom> (дата обращения: 06.06.2017).
31. Русакова С. В. Психологическое сопровождение развития коммуникативной толерант-

ности у подростков в общеобразовательных учреждениях: дисс. ... канд. психол. наук. Шадринск, 2014. 187 с.

32. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В. М. Бехтерева). URL: <http://www.gurutestov.ru/test/364> (дата обращения: 10.09.2017).
33. Никитина Е. В., Борисова У. С. Проблемы коммуникативной толерантности в студенческой среде // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 9–1 (63). С. 77–80.
34. Малютин Т. В., Абраменко А. А. Значение толерантных отношений подростков во внеучебной деятельности // Омский психиатрический журнал. 2015. № 3 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-tolerantnyh-otnosheniy-podrostkov-vo-vneuchebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 18.10.2017).
35. Маслова Т. М. Развитие коммуникативной толерантности участников образовательного процесса вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 283–286.
36. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.

REFERENCES

1. Martsinkovskaya T. D. Prevention of extremist attitudes in adolescents and youths. *Obrazovatel'naya politika – Educational Policy*, 2016, no. 3 (73), pp. 26–34 (in Russian).
2. Pochebut I. G. Assertiveness and tolerance in intercultural interaction. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 2017, no. 8 (3), pp. 8–19 (in Russian).
3. Fetiskin N. P. *Prakticheskaya deviantologiya* [Applied deviantology]. Moscow, Forum, INFRA-M Publ., 2015. 272 p.
4. Chebykina O. A. *Formirovanie tolerantnosti u mladshikh podrostkov v protsesse konstruktivnogo vzaimodeistviya* [The development of tolerance in early adolescents in the process of constructive interaction]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Shadrinsk, 2015. 188 p.
5. Shamionov R. M. Attitudes towards changes and tolerance for uncertainty as predictors of adaptability and adaptive readiness. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 2, pp. 90–104. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.2 (in Russian).
6. Yudina A. M. Correlations of communicative components in arts education during the development of sociocultural tolerance among senior high school students. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, and Education*, 2015, no. 6 (55), pp. 140–142 (in Russian).
7. Martin J. N., Nakayama T. K. *Intercultural communication in contexts*. Mayfield Publishing Company, 2000.
8. Peffley M., Knigge P., Hurwitz J. A multiple values model of political tolerance. *Political Research Quarterly*, 2001, V. 54, no. 2, pp. 379–406.
9. Asmolov A. G., Soldatova G. U., Shaigerova L. A. On the meanings of the concept of 'tolerance'. *Vek tolerantnosti. Nauchno-publitsisticheskii vestnik – The Age of Tolerance: Scientific-Publicistic Bulletin*, 2001, no. 1–2, pp. 8–19 (in Russian).
10. Baldanova E. A. A Model for the process of the development of communicative tolerance. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii – Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2018, V. 80, no. 1 (75), pp. 110–116 (in Russian).
11. Beketova A. P., Kuprina T. V. Theoretical and methodological approaches to the treatment of intercultural communicative tolerance. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya – Success of Modern Science and Education*, 2017, V. 4, no. 1, pp. 37–40 (in Russian).
12. Belasheva I. V. individual typological characteristics of personality in the models of tolerant interaction among youths. *Problemy pedagogiki i psikhologii – Problems of Pedagogy and Psychology*, 2015, no. 2, pp. 311–319 (in Russian).
13. Vysokov I. E. *Matematicheskie metody v psikhologii* [Mathematical methods for psychology]. Moscow: Yurait Publ., 2015.
14. Guseva I. S. A structural model of alienation of individuals with various levels of

- communicative tolerance. *Novaya nauka: sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya* – New Science: Current State and Ways of Development, 2016, no. 7–2, pp. 93–96 (in Russian).
15. Kas'yanova E. I., Vinogradova N. I. Theoretical analysis of communicative tolerance. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* – Scholarly Notes of Transbaikal State University, 2014, no. 4 (57), pp. 28–34 (in Russian).
16. Lektorskii V. A. On tolerance. *Filosofskie nauki* – Philosophical Sciences, 1997, no. 3–4, pp. 14–18 (in Russian).
17. Leont'ev D. A. Towards the operationalization of the concept of 'tolerance'. *Voprosy psikhologii*, 2009, no. 5, pp. 3–16 (in Russian).
18. Ovsepyan O. T., Berberyan A. S. Associations between communicative tolerance and anxiety in youths. *Nauchnye trudy KubGTU* – Scientific Works of the Kuban State Technological University, 2017, no. 6, pp. 279–285 (in Russian).
19. Rachitskaya N. V. Kommunikativnaya tolerantnost' kak element kommunikativnoi kompetentnosti [Communicative tolerance as an element of communicative competence]. *Sovremennaya psikhologiya: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Proc. 2nd International Theoretical Conference "Modern psychology"]. Perm, Merkurii Publ., 2014, pp. 55–56 (in Russian).
20. Sastamoinen T. V., Konstantinov S. A., Malashenkov R. V. Development of communicative tolerance in students of creative professions. *Nauka v sovremennom mire: teoriya i praktika* – Science in the Modern World: Theory and Practice, 2016, no. 1 (4), pp. 71–73 (in Russian).
21. Semenovskikh T. V. Associations between tolerance and stress resistance in late adolescents. *Bulletin of Eurasian Science*, 2015, no. 5 (30). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-tolerantnosti-i-stressoustoychivosti-v-starshem-podrostkovom-vozhraste> (Accessed 15 September 2017).
22. Drozhzhina N. B. Psychological study of communicative tolerance in contemporary adolescents. *Interaktivnaya nauka* – Interactive Science, 2016, no. 10, pp. 91–93 (in Russian).
23. Zholobova I. K. The development of communicative tolerance in students of higher educational institutions. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* – Humanitarian and Social Sciences, 2017, no. 3, pp. 113–122 (in Russian).
24. Zykhova N. V., Shaukenova E. Sh. Psychoprophylaxis of intolerance towards individuals with disabilities in adolescents. *Kontsept – Concept*, 2016, no. 3, pp. 91–95 (in Russian).
25. Kara Zh. Yu., Kasyanova D. V. The study of tolerant relations in the early preschool age. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* – Proceedings of Southern Federal University. Pedagogical Sciences, 2017, no. 4, pp. 73–81 (in Russian).
26. Koshkina M. V. Methods for diagnosing the level of tolerance in adolescence. *Magister Dixit*, 2013, no. 4, Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-dagnostiki-urovnya-tolerantnosti-v-podrostkovom-vozhraste> (Accessed 09 July 2017).
27. Krivtsova E. V. Associations between individual tolerance and value self-determination. *Vestnik KemGU* – Bulletin of Kemerovo State University, 2010, no. 3, pp. 173–177 (in Russian).
28. Krichevets A. N. *Matematicheskaya statistika dlya psikhologov* [Mathematical statistics for psychologists]. Moscow, Academia Publ., 2015. 384 p.
29. Pochebut L. G. Intercultural communicative competence: Tolerance or assertiveness. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* – Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2017, V. 27, no. 2, pp. 189–195 (in Russian).
30. Tolmacheva E. S. Education for tolerance in schoolchildren as a key aspect of creating a favorable psychological climate in a group of children. *Pedagogical Education in Russia*, 2016, no. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-tolerantnosti-shkolnikov-kak-odin-iz-klyuchevykh-aspektov-sozdaniya-blagopriyatnogo-psihologicheskogo-klimata-v-detskom> (Accessed 06 June 2017).
31. Rusakova S. V. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie razvitiya kommunikativnoi tolerantnosti u podrostkov v obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh* [Psychological support for the development of communicative tolerance in adolescents in secondary schools]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Shadrinsk, 2014. 187 p.

32. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *The personal differential technique (the version modified at the V. M. Bekhterev Scientific Research Institute)*. Available at: <http://www.gurutestov.ru/test/364> (Accessed 09 October 2017).
33. Nikitina E. V., Borisova U. S. Communicative tolerance in the student environment. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal – International Research Journal*, 2017, no. 9–1 (63), pp. 77–80 (in Russian).
34. Malyutina T. V., Abramenko A. A. Tolerant relations of adolescents in extracurricular activities. *Omsk Journal of Psychiatry*, 2015, no. 3 (5). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-tolerantnyh-otnosheniy-podrostkov-vo-vneuchebnoy-deyatelnosti> (Accessed 18 October 2017).
35. Maslova T. M. The development of communicative tolerance of participants in the educational process of the university. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya – Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2018, V. 7, no. 1 (22), pp. 283–286 (in Russian).
36. Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. Preadaptation to uncertainty as a strategy of developing systems navigation: The ways of evolution. *Voprosy psikhologii*, 2017, no. 4, pp. 3–26 (in Russian).

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в электронном варианте в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать шрифт Times New Roman.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]).

К статье прилагаются аннотация (объемом 200–250 слов) и ключевые слова (10 слов и/или словосочетаний, состоящих не более чем из 2-х слов), а также сведения об авторе:

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail).

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ,
АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ
И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 518, редакция
Тел. +7 (863) 218-40-00 (доб. 11637); e-mail: rpj@bk.ru

NORTH-CAUCASIAN PSYCHOLOGICAL BULLETIN

REQUIREMENTS TO PUBLICATIONS

Articles are accepted in electronic form in Word format, typed with 14 size through the 1.5 computer interval (all margins 2.0 cm), with capacity from 10 to 20 pages, including the list of references. Use the font "Times New Roman".

Literature cited in the article (author, title, place, publisher and year of publication) is given in alphabetical order in a list at the end. Literature in foreign languages is given after domestic. In the text reference to the source is done by indicating (in brackets) the serial number of the cited book or article, after the comma – cited pages (eg, [42, P. 561]).

Abstract (200–250 words) and keywords (10 items of words and/or phrases, consisting of no more than 2 words), as well as information about the author, are attached to the article:

- 1) surname, name and patronymic;
- 2) home post address, telephone number;
- 3) specialty, academic rank;
- 4) the place of work and position, official telephone;
- 5) e-mail.

**INFORMATION ABOUT THE AUTHOR, TITLE,
ABSTRACT AND KEYWORDS
SHOULD BE GIVEN
ALSO IN ENGLISH.**

For all issues about publications, contact:

Editorial Office (of. 518), b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Tel.: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11637.); e-mail: rpj@bk.ru